

След на воде

Роман Буревој
Колдун из Темногорска

«Автор»

2003

Буревой Р.

Колдун из Темногорска / Р. Буревой — «Автор», 2003 — (След на воде)

Мир колдунов – рядом. Волшебный дар передается от отца к сыну и является величайшей тайной. И желанной целью для тех, кто жаждет власти. Роман Воробьев – потомственный колдун, повелевающий водной стихией. Этот дар – и великая сила, и страшное проклятье. А способность заглянуть в будущее может дорого обойтись даже самому могучему темногорскому колдуну. Любовь и ненависть, зависть и предательство, тайны прошлого и будущего в первой книге сериала "След на воде" – фантастическом боевике Романа Буревоего "Колдун из Темногорска".

© Буревой Р., 2003

© Автор, 2003

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Роман Буревой

Колдун из Темногорска

*Все имена и фамилии изменены,
названия некоторых городов и поселков
вымышлены,
дабы не подвергать опасности
тех, кто оставляет
СЛЕД НА ВОДЕ...*

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Мираж

Кто-то взял огромную мокрую кисть и начал смывать рисунок с листа. Вода, стекая, становилась желто-зеленой. И так длилось три дня. Три дня дождя, семьдесят два часа непогоды. Что останется от прежнего мира, когда кончится осеннее мытье? Лишь черные контуры и несколько пятен неясных оттенков.

Песчаная лента петляла по лесу, деревья сбегались к дороге, размахивали ветвями, вслед машине летели хлопья желтой листвы. Дождь то принимался барабанить по капоту, то утихал, превращаясь в мелкую взвесь. Алексей опустил стекло, лицо тут же сделалось влажным. Это принесло облегчение, ожерелье ослабило хватку, но затем вновь принялось сжиматься. На реку надо было ехать еще вчера. А лучше неделю назад. Но он все тянул, откладывал. Ненавидел свою подневольность.

«Форд» рванул вверх, на горушку. Справа мелькнуло сельское кладбище. Кресты карабкались по склону, к серому низкому небу, расталкивая тонкие березы. Алексей ездил по этой дороге летом. Тогда по обочине гуськом брели к реке разморенные от жары дачники, не обращая внимания на пыльные шлейфы машин. Среди толпы легко затеряться. Сейчас он слишком на виду. Но ему нужна была река, сейчас, немедленно. Нет, не успеть.

Холодная равнодушная змея сжимала шею все сильнее.

Лес шумел, рассерженно кидался ржавой листвой.

Мы так схожи с тобой, братец, чуть что – сразу бунтовать, размахивать руками. Ну вот, обиделся, деревья пустились наутек. Эй, куда вы, ребята, я не хотел никого обидеть! Как смешно вы бежите! Короткие ножки корней отталкиваются от земли, стволы подпрыгивают. Кусты, напротив, ведут себя осторожно, припадают к земле, ползут медленно, по-пластунски.

Теперь и дорога расплылась серой кляксой. Деревья спятили и превратились в россыпь танцующих пятен. Небо стало уходить ввысь, запредельно, так, что в одно мгновение можно было ощутить всю его непостижимую глубину. Алексей тряхнул головой, но картинка перед глазами продолжала расплываться. Машина сама, как и положено умному механическому зверю, сползла с горушки. Деревья расступились, за почерневшими влажными стволами проступила река. Алексей затормозил, выскочил из машины и тут же налетел на сосновый ствол. Откуда здесь это дерево? Ничего уже не разглядеть – вокруг царили серые сумерки, и хмарь сгущалась. Скоро останется лишь чернота. Алексей знал, чем это может кончиться, – когда тьма станет абсолютной, ожерелье его задушит. О Боже, зачем он только согласился надеть эту чертову петлю? Но с другими подобного не случилось! С другими – нет. Но с ним – да!

Алексей оттолкнулся от сосны, шагнул в сторону. Угодил ногой в какую-то яму, упал, ткнулся лицом в мокрую хвою. Принялся ощупывать землю в надежде найти палку, чтобы идти дальше как истинный слепец, постукивая по стволам и раздвигая заросли почерневшей крапивы. Палка оказалась рядом и даже далась ему в руки – не особенно удобная, суковатая, но достаточно длинная, чтобы доставать ею до земли. Алексей поднялся и неуверенно шагнул. Вновь дохнуло в лицо холодным ветерком. Река звала его. Под ногами перестала шуршать хвоя, захрустел песок. Алексей вышел на пляж, на ходу скинул ботинки. Взгляд уже не различал ничего, но река влекла холодным, пронизывающим до костей дыханием. Дойдя до кромки воды, Алексей набрал полные пригоршни воды и плеснул в лицо. Зрение на мгновение вернулось, мелькнула смутная картинка: пустынный пляж, узкая полоска желтого песка, черная железная бочка с пробоиной в боку застыла у самой воды.

Потом появилась какая-то парочка вдалеке. До Алексея им, похоже, не было дела. Он перевел взгляд на реку. Река бурлила, дождь хлестал. Волна, набегая, всякий раз оставляла на песке траурную ленточку нефти. Алексей брезгливо поморщился и шагнул в воду. Набрал в легкие побольше воздуха – насколько позволяло проклятое ожерелье – и бросился в реку, подняв фонтан брызг. Дно в этом месте круто уходило вниз, Алексей почти сразу оказался на глубине. Но его не пугала глубина. Так же как и закипающие в двух или трех местах подозрительные белые бурунчики. Он не мог утонуть. Не мог – и все.

Он сразу почувствовал, как ожерелье ослабляет хватку. Когда сдерживать дыхание дольше не стало сил, Алексей вынырнул на поверхность, глотнул воздуха и вновь ушел под воду. Инстинктивно он стремился туда, где течение сильнее. Когда Алексей вынырнул на поверхность во второй раз, зрение вернулось к нему полностью. Серо-стальная вода плескалась вокруг, серо-стальное небо опрокинулось над головой. У Алексея появилось странное ощущение – будто прежняя жизнь закончилась, и вот-вот должна начаться другая. Это не было предчувствием. Он просто-напросто это знал. Но что конкретно должно произойти, когда и где, оставалось для него тайной.

Ожерелье восстановилось, но Алексей не торопился на берег, он еще несколько минут пробыл на стремнине, позволяя быстрому течению уносить себя вниз по реке, чтобы потом, легко рассекая воду, плыть кролем, побеждая обезумевший от осенних дождей поток. И только, ощутив приятную усталость, повернул к берегу.

Парень, гулявший по пляжу в обнимку с девицей, оглянулся и посмотрел на пловца. Затем удовлетворенно кивнул, подтолкнул спутницу к густым зарослям кустарника и сам отступил следом. Теперь странный купальщик не мог их заметить. Присев на корточки, наблюдатель нажал кнопки мобильного и процедил сквозь зубы:

– Это он. Действуй осторожно, Кулек, он нужен живым.

Лицо наблюдателя было покрыто ровным загаром, светлые волосы казались золотыми. Гладкое, чуть полноватое лицо обласканного жизнью человека. Он неплохо провел лето. Но осень обещала ему гораздо больше. Блондин спрятал мобильник, достал бинокль и отыскал пловца на реке.

Девица сидела на корточках и курила. Она замерзла, у нее дрожали руки.

– Игорек, долго еще? Я так не могу, Игоречек! – Для убедительности она шмыгнула носом.

– Заглохни, – отозвался блондин.

Он перевел бинокль на дорогу, уловив звук работающего двигателя, и тут же разглядел между соснами синий контур “Ауди”. Игорь выругался: человек на реке мог услышать шум мотора. Не надо было подъезжать так близко. Ножками надо было топтать! Дармоеды.

Сутулясь под дождем, трое парней в черных куртках направились к берегу. Купальщик тем временем уже выходил из воды. Он мотал головой и отряхивался, как мокрый пес, и,

казалось, не замечал поджидавших его громил. Губы Алексея беззвучно шевелились, будто он шептал заклинания. Или в самом деле шептал? Кулек шагал впереди. Двое сзади. Сейчас они подойдут, и Кулек произнесет обычное: “Надо потолковать, парень”.

– Ну! Чего ждут! Быстрее! – Игорек от нетерпения кусал губы.

Алексей поднял голову и глянул на небо. Потом посмотрел на троих, явившихся по его душу. Улыбнулся. На шее его переливалось серебром ожерелье, будто тонкий ручеек струился по замкнутому кольцу.

– Вот и приплыли, – проговорил он вполголоса. – Как я этому рад!

Река за его спиной тяжело вздохнула. Вода забурлила, ускорила течение и понеслась быстрее, будто кто-то ее подтолкнул.

Рядом с накачанной троицей Алексей казался хрупким подростком, несмотря на высокий рост. Он сделал странный нырок, каким-то чудом проскочил мимо Кулька и кинулся бежать. Трое бросились за ним. Алексей был куда резвее. Вскоре все четверо скрылись за деревьями. Потом кто-то крикнул. Потом еще раз. Треск ломаемых веток. Вдруг стало тихо.

Через минуту из-за стволов вынырнул Алексей, сел в свою машину, и в следующее мгновение “Форд” рванулся к дороге. Преследователи так и не появились. На берегу остались ботинки купальщика. Дорогие ботинки.

– Идиоты! – пробормотал блондин, опуская бинокль. – Упустили.

Он в ярости треснул биноклем о дерево. Троица тем временем появилась. Двое шли сами. Третьего пришлось волочить.

– Идиоты, – повторил человек, натягивая на голову капюшон.

Дождь по-прежнему лил. Девица испуганно пискнула и дернула Игоря за рукав.

– Чего тебе?

Она безмолвно ткнула пальцем в сторону реки.

Там, медленно проступая сквозь пелену дождя, плыл остров с белой церквушкой под золотым куполом. И даже почудились голоса, поющие что-то торжественное. Купол горел странной желтизной – будто луч солнца, внезапно пробившийся сквозь тучи, коснулся позолоты и оживил ее. Беглец был уже далеко, у выезда на шоссе, и миража не видел.

– Что это? – шепотом спросила девица.

Но ее спутник не собирался отвечать. Он смотрел на плывущий над рекою мираж, и похлопывал биноклем по ветке дерева. Это была именно *та* церковь, – сомнений не было. Потом, будто опомнившись, он кинулся к реке, забежал в холодную воду по колени и заорал:

– Гамаюн! Ты слышишь меня? Я спрашиваю, ты слышишь?

Ему никто не собирался отвечать. Шумел дождь, листва с шорохом осыпалась на землю. Мираж принялся таять, и через минуту не было уже ни церкви с горящим золотом куполом, ни островка, лишь смутно угадывался противоположный берег.

– Ничего, я еще отыщу тебя, будь спокоен, – пообещал Игорь.

ГЛАВА 2

ЮЛ

Юл выглянул в окно. Мишка стоял внизу, дожидаясь. От нечего делать носком ботинка ковырял палую листву. Оруженосец прибыл, граф может спускаться вниз. Юл распахнул окно, и Мишка поднял голову, безошибочно распознав стук *его* оконной рамы.

– Выйдешь? – спросил снизу Мишка.

– Сейчас.

Мишка махнул рукой, теперь он мог ждать хоть до вечера. «Оруженосец» каждодневно приходил во двор после уроков и ждал. Сколько раз Юл просил: звякни по телефону. Но приятель никогда не звонил. Всякий раз являлся лично и стоял, изредка поднимая голову и поглядывая в окно. Так продолжалось до тех пор, пока Юл не спускался вниз или, отворив окошко, не кричал: «Сегодня я занят!»

Тогда Мишка делал вид, что уходит, но на самом деле он прятался за железным ящиком помойки и, усевшись на скамейке, ждал – вдруг граф передумает. Верный оруженосец мог просидеть так и час, и два.

Их дружба казалась более чем странной. Впрочем, Мишка называл это не дружбой, а *служением*. Юл был к нему добр, как бывает добр господин к преданному и испытанному слуге. Вместе они смотрелись нелепо. Мишка откровенно туповат, Юл – умен, Мишка – упитанный неуклюжий здоровяк, Юл – тощий и узкоплечий, с мягким белым лицом, по-детски усыпанным множеством ямочек, казавшийся гораздо младше своих тринадцати. И все же именно Юл выбрал Мишку в друзья. Поначалу Мишка чувствовал себя рядом с ним неловко, все больше отмалчивался или лепетал бессвязное. Оруженосец старательно ловил каждое слово, произнесенное графом, чтобы потом, страшно все перевирая, донести мысли Юла до других. Он смотрел те же фильмы, что смотрел граф, читал те же книги (только раз в десять меньше), он даже думал над теми же вопросами, над которыми думал Юл, и приходил точно к таким же выводам, если, конечно, этими выводами Юл успевал с ним поделиться. Граф платил своему оруженосцу за преданность: Мишка заранее получал тетрадки, чтобы передрать домашние задания. Сочинения Юлу приходилось писать дважды – за себя и за друга. Юл сам толком не знал, почему выбрал в друзья Мишку. Может быть потому, что, несмотря на внешнюю инфантильность, он начал взрослеть раньше других и уже умел ценить в людях надежность.

Юл спустился вниз. Мишка успел подбежать к подъезду и теперь ждал возле самой двери. «Мой пес», – мысленно называл его Юл. Мишка, в самом деле, походил на добродушного сенбернара. Так и хотелось почесать его за ухом.

– Ты кого-нибудь позвал? – спросил Мишка.

Юл отрицательно покачал головой.

– Значит, если *это* удастся, никто не увидит?

– Только ты.

Толстые Мишкины губы расплылись в глуповатой улыбке. Сказать, что он был польщен – значит, не сказать ничего.

«Кого еще звать-то? – мысленно усмехнулся Юл. – Только ты никогда не скажешь: “У тебя не выйдет”. А это так важно!»

Мишка никогда не сомневался в способностях друга. Захочет Юл сделаться космонавтом, непременно на Луну полетит. А может, руку протянет и прямо с Земли достанет серебряный диск. Что ему стоит!

Они шли через парк. Дождь то начинал моросить, то прекращался, чтобы через несколько минут начаться вновь. Парк был черен и гол: деревья облетели, лишь в траве кое-где проглядывала зелень. Они дошли до пруда и остановились. Пруд, это, конечно, громко сказано. Про-

стая яма метров пять длиной, и два метра в ширину, полная гнилой воды. Сейчас на поверхности толстым слоем плавали ржавые листья. Черный глянец воды едва проступал. Ребята закурили. У Мишки были удивительные большие мягкие ладони. Защищенный его руками, огонек спички никогда не гас.

Первую спичку оруженосец поднес Юлу, а потом закурил сам.

– Купи зажигалку, – посоветовал Юл.

– Нельзя. Мать догадается.

– А так не догадается?

– Не-а, не догадается, – улыбнулся Мишка.

Мишка был на полтора года старше Юла, но все равно выглядел рядом с графом младенцем.

Юл уселся на землю и стал поправлять кроссовки. После выкуренной сигареты его немного подташнивало, но он не показывал виду, что ему плохо.

– Может, не надо через пруд? – спросил Мишка. – По дорожке расстояние отмерим. Я рулетку взял.

Юл отрицательно мотнул головой:

– На дорожке ничего не выйдет. Прыгну, как на физре в школе. Надо над водой.

– Почему?

– А я знаю?!

– Я думал – знаешь.

Юл подошел к берегу так близко, что почувствовал студеное нутро собравшейся в комок воды. Нет, она не была к нему враждебна, эта черная, умершая вода, она чего-то от него ждала. Но он не знал – чего. Юл повернулся и начал отсчитывать шаги для разбега. Вода разочарованно колыхнулась в земляной лохани. Юл остановился. Вода за спиной замерла – она еще на что-то надеялась. Надежда вскипела в ней сотнями воздушных пузырьков и выплеснулась наружу бурным всплеском, похожим на протяжное «Ах»! Листья на поверхности пруда раздались, прибитые внезапным толчком к берегам, открылась черная поверхность, в глубине мелькнул и тут же пропал ничтожный отблеск. Мишка удивленно охнул, но не сказал ни слова. Юл на мгновение прикрыл глаза, потом повернулся и побежал. Лицо Мишки пронеслось мимо размытым пятном. И сразу же возникла яма. Юл оттолкнулся и полетел. Невидимая нить тянула его. Он не мог сорваться.

Когда он упал на той стороне, лицом во влажную траву, его настиг истошный Мишкин вопль: «Йес!»

Несколько мгновений Юл лежал неподвижно. Влага осенней земли холодила разгоряченное тело, напряжение истаивало. Наконец Юл поднялся. Его качало, будто он только что очнулся от глубокого сна. Он знал, что идет, что переставляет ноги, но не чувствовал этого. Пришлось глянуть вниз и проверить. Да, все правильно, он идет. Его шатало не от перенапряжения и усталости, а оттого, что он востребовал слишком много сил для такого пустяка как прыжок, и теперь, нерастраченные, они рвались наружу. Между тем вода успокоилась, поверхность вновь затянуло слоем листьев. Юл подумал, что оживление мертвой воды в яме ему могло и почудиться, так же как и протяжный вздох, похожий на человеческое «ах».

– Клево! Как так вышло?! А?! – Мишка смотрел на друга с восторгом.

Юл подошел и взял его за руку. За одну. Потом за вторую. Вода в яме молчала, не желая отзываться. Юл соединил Мишкины ладони, потом вновь развел. Вода в пруду всхлипнула, будто неохотно выдавила: «Да». По Мишкиному телу пробежала дрожь.

– Беги! – крикнул Юл.

Мишка побежал – ему некогда было отмерять шаги для разбега – в любую секунду тончайшая связь могла оборваться. Мишка бежал легко, пружинисто, отталкивая от себя землю, и лишь у самого края сбился, засеменял и беспомощно оглянулся. Хотел что-то крикнуть, но

лишь беззвучно открыл рот. Юл изо всех сил мысленно толкнул его в спину. Мишка вскрикнул, как от боли, оторвался от земли и полетел. Он упал на другой стороне ямы, на самом краю, плашмя, одна нога повисла над водой, вниз посыпались комья земли.

Потом он вскочил и завопил на весь пустынный парк:

– А-А-А!

Юл улыбнулся. Избыточная сила вышла из него, тело казалось легким, почти невесомым. Юл мнил себя не просто хорошим, а *великим*. Мир должен немедленно разразиться аплодисментами в его адрес. И в самом деле, раздались громкие одиночные хлопки. Юл обернулся. В нескольких шагах от него стоял отец и аплодировал.

– Привет, Юл! – Отец помахал ему рукой, как ровне, как приятелю.

В свои пятьдесят он умел радоваться совершенно по-ребячьи. Да и внешне он выглядел очень молодо. Вряд ли ему можно дать больше сорока.

– На минутку, – поманил он сына за собой к ближайшей скамейке.

Юл пошел за отцом, оруженосец Мишка остался стоять вдалеке, терпеливо ожидая, когда ему позволят приблизиться.

– Разговор есть. Даже не разговор, а так... – Отец явно нервничал, и Юл не мог понять, почему. – Здорово ты вырос, Юл.

– Разве? По-моему, ни сантиметра не прибавил, – пожал плечами мальчишка.

– Только мне твое имя не нравится, – заявил отец. – Я хотел назвать тебя Казимиром в честь деда. Да *она* не позволила.

«*Она*» – это мать Юла. Впрочем, история с наречением давняя, сто раз слышанная, хотя и не ясная до конца.

– Хочешь предложить сменить имя? – спросил Юл как можно ехиднее. Нынешнее «Юл», то бишь «Юлий» ему тоже не нравилось. Но «Казимир» – было бы в тысячу раз хуже.

Отец не обратил внимания на выпад сына. Он думал о своем, спрашивал, но не слышал ответов на вопросы.

– Я, кажется, говорил тебе об Иване Кирилловиче Гамаюнове? – спросил Александр Казимирович.

Юл отрицательно покачал головой.

– Ни разу? – удивился отец. Удивление его было напускным.

– Ни разу, – подтвердил Юл.

– Тогда сейчас говорю. Ты на Гамаюна здорово похож. Он в детстве был таким, как ты. Уверенный в себе до ужаса. Ничто не могло поколебать его веры в себя. Я не такой. – Без всякого перехода отец добавил. – Если со мной что случится, отыщи Гамаюнова. Непременно. Он будет рад тебя видеть.

– Что с тобой может случиться? – спросил Юл насмешливо. Дело в том, что с отцом они недавно поссорились: Юл просил взять его с собой в поездку, а отец отказал. Еще Юл втайне мечтал, что переедет к отцу. Хотя в глубине души понимал, что это невозможно. Он никогда не говорил отцу об этом своем желании, но при этом таил обиду, как будто отец отказался исполнить и эту просьбу.

– Ничего, я просто так. – Александр Казимирович бросил взгляд в сторону крепко сбитого парня, что пытался укрыться за стволом тощей березки. – Просто на всякий случай.

– Где мне его искать-то? Где он живет, этот твой Гамаюнов? – неохотно спросил Юл.

– Не знаю. Но ты его найдешь.

– Зачем не мне? В институт поможет поступить?

– Он умеет плести нити, – проговорил отец задумчиво.

– На кой ляд мне нитки? Что я, как девчонка, шарфики буду вязать? Дал бы на мороженое. А то у мамы, как всегда, бабок нет.

Отец достал бумажник, вынул две десятидолларовые бумажки.

– Отлично, – усмехнулся Юл. – Мне хватит на целый месяц.

Отец поколебался и вдруг отдал Юлу свой бумажник.

– Ого! Это тоже на всякий случай? – Юл почувствовал смутную тревогу.

Спору нет, жадность не входила в число недостатков отца. Если у него были деньги, он дарил их без всякого сожаления – родственникам и друзьям. Но чаще он сидел на мели и мучился оттого, что не может одаривать тех, кто ему дорог.

Однако этот жест с бумажником Юла насторожил.

– Там много? – Юлу хотелось вернуть бумажник, но он не знал, как это сделать.

– Там еще три сотни. На непредвиденные расходы. Совсем непредвиденные. Ну, счастливо! – отец похлопал сына по плечу и зашагал к выходу из парка пружинистым, мальчишеским шагом.

«Все неправда, он притворяется, – подумал Юл. – Как всегда».

Мать каждый день повторяла, что отец притворщик, каких поискать. Юл от этих упреков всякий раз приходил в ярость. И вот теперь сам обозвал отца притворщиком.

«Почему я его не догоняю? – обратился Юл сам к себе. – Ведь я должен его догнать. Должен».

Но он стоял, не двигаясь, и смотрел, как отец уходит.

– Папаша твой обожаемый час назад заглянул, – сообщила мать, едва Юл отворил дверь. – Приволок жратвы на целый полк. На твой день рождения забыл прийти, а тут явился, не запылелся.

Вид у матери обычный – старый свитер и тренировочные брюки, почти полностью седые волосы неопрятными прядями свисают на плечи.

Эти растрепанные волосы и грязный свитер, под которым не надето бюстгалтера, как всегда, вызвали прилив раздражения, с которым невозможно справиться. Юлу захотелось обругать мать, он был уверен, что имеет на это право.

– Ты всегда ворчишь, не надоело? – Он скинул куртку и сразу же отправился на кухню. В раковине полно грязной посуды. Зато сегодня холодильник, против обычного, набит всякой всячиной. Не спросив разрешения, Юл вытащил ветчину, сыр и свежие огурцы. Ну, наконец-то можно устроить пир, а не довольствоваться жареной картошкой!

– Он искал тебя, – сказала мать. – Я ему все рассказала, как ты учителям хамишь и прогуливаешь уроки. Куда ты столько ветчины взял? Можно на три дня растянуть!

– Я его видел, – буркнул Юл с набитым ртом.

– Что он сказал? Я же сказала: тоньше режь ветчину!

– На счет уроков – ничего.

– Ну конечно, этим я должна заниматься! Недаром ты всякий раз заявляешь, что любишь его больше меня.

– Разумеется, – подтвердил Юл, наслаждаясь собственной жестокостью.

– Какой же ты... Ну, конечно, вы оба как дети: игрушки, развлечения, кино, музыка. А я вкальвай с утра до вечера! О, Господи! Как мне все это надоело! О чем же вы говорили?

– Да так, немного поболтали о том, о сем. Он сказал, что скоро... – Юл едва не ляпнул «скоро умрет», но в последний момент сдержался.

Ветчина потеряла всякий вкус. Но ведь отец именно так и сказал. Почему-то там, в парке, Юл не захотел этого понять. Теперь, наконец, дошло. Он бросил недоеденный бутерброд, чем несказанно удивил мать, и кинулся к телефону.

На работе отца не было, и никто не знал, где он. Юл попросил передать, чтобы отцу непременно доложили о звонке. Юлу обещали, но обещание это не стоило и ломаного гроша, секретарша непременно все перезабудет. Потом Юл набрал домашний номер Александра Стевовского. Ответила «фифа» – так мать называла молодую, третью или четвертую по счету, жену

отца. Ей Юл ничего не стал объяснять и лишь сказал не слишком вежливо: «Передайте ему привет». Мальчишка не знал, что делать: то ли бежать на поиски, то ли сидеть на месте, надеясь, что секретарша все-таки передаст его просьбу. Потеряв терпение, он вновь стал накручивать диск телефона. На работе ответили, что Стеновского ждут с минуты на минуту. Юл помчался в фирму отца. Он навсегда запомнил странное ощущение тех минут: отец был еще жив, Юл страстно желал его спасти, но в то же время сознавал, что сделать уже ничего не удастся, и они больше никогда не увидят друг друга. Стало так страшно, что он остановился посреди улицы и заплакал.

Слезы вскоре иссякли, Юл пошел дальше, уже без прежней торопливости, по инерции. Охранник, увидев его, скорчил привычную комично-серьезную мину:

– Где же ваш пропуск, молодой человек?

– Потерял, – бросил в ответ почти автоматически Юл, и побежал в кабинет Стеновского.

Секретарша раскладывала пасьянс на компьютере.

– Александр Казимирович у себя? – уже без всякой надежды спросил Юл.

– Должен быть с минуты на минуту, – ответила девица лет тридцати, не отрывая глаз от экрана.

Он плюхнулся на диван, решив забыть о времени и ждать. Пусть отец не придет в офис, ну так хотя бы позвонит. Он должен позвонить! Юл то вскакивал, то садился. Время истекало минутами, как кровью. До конца рабочего дня остался всего час. Потом полчаса. Потом пятнадцать минут. Наконец секретарша принялась освежать макияж, потом рассовала по сумкам какие-то пакеты и выключила компьютер. И тут зазвонил телефон. Секретарша сняла трубку, выслушала и упала на стул.

Юл бросился вон из офиса. Все было кончено.

«Фифа» позвонила к ним домой уже после полуночи. Ее голос звучал довольно спокойно, и лишь под конец она несколько раз ненатурально всхлипнула, сообщая, что Александра Стеновского и его телохранителя несколько часов назад застрелили в подъезде собственного дома.

ГЛАВА 3

ИСКУШЕНИЕ КОЛДУНА

Дурное предчувствие похоже на прикосновение слизняка – такое же холодное и влажное, оставляющее липкий след, который не сразу удастся стереть. Ощувив дыхание грядущей беды, Роман содрогнулся всем телом. Чувство было столь сильным, что пришлось наливать второй стакан минералки, – вода в первом почернела и покрылась густой серой пеной. Колдун выплеснул воду в раковину. Второй стакан он успел выпить до того, прежде чем эмоции передалась воде. И все же неприятный, отдающий тухлым, запах остался, а икота мучила еще добрых пятнадцать минут. Чтобы успокоиться, Роман коснулся пальцами плетеного ожерелья на шее и ощутил легкую вибрацию: водная нить пульсировала сильнее обычного. Он глянул в зеркало. Нет, внешне ожерелье не изменилось: как всегда среди разноцветных волосяных прядей сверкала живым серебром водная нить. Но что-то было не так, Роман не знал – что, и это его злило.

Вообще-то после переезда в Темногорск его порой посещали предчувствия, которые не сбывались. На то и город, особенно такой как Темногорск. Сильно разрушенный во время войны, город был заново застроен безлико и сумбурно, и только чудом уцелевшие церквушки намекали на его давнюю историю. Настоящих гор здесь уже было – так, немного холмило, а таинственная гора Темная была здесь до революции, а потом исчезла. С тех земля в округе сделалась черной, как сажа.

Роман посмотрел на часы. Стрелка успела переползти через пузатую десятку и приближалась к двум тощим единичкам. Колдун выругался и тронул полированным ногтем виниловые жалюзи на окне. Так и есть: во дворе уже дожидались человек восемь. Бойкая толстуха взгромоздилась на крыльцо и размахивала в воздухе мятой бумажкой, устанавливая очередь. Какая-то бабка в пуховом платке и зимнем пальто бродила по саду и собирала в авоську темно-красные, нападавшие за ночь со старых яблонь яблоки.

Роман дернул за шнурок, вздыбил дурацкие жалюзи и, распахнув окно, крикнул:
– Эй, бабулька, яблоки-то заговоренные!

От неожиданности бабка уронила авоську и перекрестилась. Толстуха Марфа сбежала с крыльца и, встав под окном, сообщила слащавым голосом:

– Сегодня дела особенно сложные, господин Вернон, – она любила оснащать свою речь народными словечками.

Марфу Роман видел ежедневно. Он подозревал, что она и домой-то не уходит, так и дремлет на прелой листве в кустах. Зато целыми днями, как стрекот кузнечика из травы, доносился сквозь толщу стен и двойное ограждение оконных рам ее пронзительный голос. Марфа не только суетилась под окнами, но и о собственной выгоде не забывала: то один, то другой посетитель совал в ее пухлую ладонь шуршащую купюру. Каждому из новоприбывших Марфа сообщала об удивительном даре господина Вернона и тут же выпрашивала или, вернее, выпытывала, с чем пожаловал посетитель к знаменитому колдуну. Свой приговор она объявляла во всеуслышание, предрекая, что господин Вернон непременно подтвердит ее слова, но, кажется, за все время ни разу еще не угадала. Роман трижды пытался избавиться от помощницы, но всегда безуспешно: Марфа обладала цепкостью пиявки и увертливостью змеи, и что бы ни предпринимал колдун, наутро снова появлялась на крыльце. Роман даже подумывал, не применить ли к ней процедуру изгнания воды, но в последний момент не решался произнести заклятие. При всей своей докучливости Марфа не творила зла в его абсолютном смысле, и Роман не решался прибегнуть к крайнему средству, хотя никогда не боялся зла как такового.

Колдун вернулся в спальню. Тина – ученица, ассистентка и любовница по совместительству – мирно спала. Роман сдернул с нее одеяло. Тина пробормотала что-то невнятное и пере-

вернулась на живот, демонстрируя загорелую спину и не менее загорелые ягодицы: нынешним летом она немало часов провела на крыше старого дома.

– Неужели утро? – пробормотала Тина.

– Одиннадцать скоро. Хорошо бы позавтракать.

– Еще часик. А? Ну, пожа-а-алуйста... – Она так смешно произносило «пожалуйста» нараспев, слезно. По-детски. – Твои клиенты подождут. Чуть-чуть.

Роман улыбнулся, – он разрешал девочке определенные вольности. Особенно, если учесть, что заснула она в три часа утра. Ну что ж, кофе подождет. Плохо, что свечи в кабинете придется зажигать самому.

Прежде чем войти в кабинет колдун снял охранные заклятия с дверей. По всему дому зашелестели невидимые крылья, скрипнули старые венцы, на чердаке осыпалась наточенная за ночь чужками-короедами труха. Прежде в этом доме жил повелитель иной стихии – земля давала ему силы, знал он звериный и птичий язык. А нового колдуна – повелителя вод – дом не всегда понимал, порой чудачил, а иногда и сопротивлялся.

Роман поставил на стол в кабинете две свечи в высоких подсвечниках, вытащил спичку, но, прежде чем чиркнуть ею, смочил пальцы водой. Огонек, вспыхнув, рассерженно зашипел. Колдун задернул шторы, в полумраке оранжевые лепестки огня превратились в таинственные цветы, а столешница в центре кабинета засверкала серебром. Черные пятна по углам, называемые тенями, создали замкнутый объем. Объем, в котором вода обретает форму. Глядя на тарелку, посетитель воображал, что тайную силу воде придает белый фарфор. Очередной обман, столь необходимый в тайном ремесле.

Вторая дверь кабинета выходила на крыльцо и, отворяя ее, Роман всегда соблюдал осторожность, чтобы не нарушить круг замкнутого пространства. Когда он крикнул «первый», тройной ряд бархатных штор на дверях заколебался, будто раздумывая, стоит ли пропускать посетителя. Роман уселся так, чтобы лицо его было в тени – тогда он лучше чувствовал пульсацию водной нити на шее. Посетителей он старался касаться лишь по необходимости. Зачастую это бывало слишком неприятно.

Часы всхлипнули, но бить одиннадцать не стали, ограничившись скрежетом скрытых от глаз шестеренок. В ту же минуту, прорвавшись сквозь завесу бархатных штор, как через крепостные ворота, в кабинете возникла первая посетительница: дерзкая особа лет тридцати, в лиловом сверкающем плаще до пола. Ее длинные платинового оттенка волосы контрастировали с лиловыми, почти черными губами. Было в ней что-то знакомое, вульгарно-притягательное, будто Роман ее видел – на обложке журнала или в рекламе, безликую и яркую – одновременно. Но кто она и откуда, вспомнить никак не удавалось.

Колдун жестом указал ей на стул.

– Господин Вернон, я к вам за помощью! – блондинка демонстративно вздохнула. – Муж изменяет! Только вы можете помочь, одна на вас надежда. – Слова звучали заученные, фальшивые. Интонации тоже. Она как будто твердила много раз сыгранную роль. Для верности образа гостя заплакала. Легко, будто открыла водопроводный кран. Но краска на ресницах не потекла.

– Слез не надо, – предупредил Роман, – или испортите дело.

Соленый поток тут же иссяк. Зато неостановимо хлынули слова. Роман сделал усилие, чтобы направить их мимо своего сознания. Но все равно прозрачная родниковая вода, пока колдун наливал ее из кувшина в тарелку, успела замутиться. Оставалось надеяться, что для предстоящего дела хватит и такой, сомнительной прозрачности.

– Думайте о своем муже, – велел колдун.

Женщина трагически изломила брови, что должно было означать беспредельную любовь к супругу.

– Теперь представьте разлучницу, – последовал приказ. – Не конкретного человека, но лишь образ измены. Ваши догадки не должны влиять на ответ.

Лицо посетительницы передернулось, будто она узрела гадюку. Роман взял женщину за руку и опустил ее ладонь на поверхность воды в тарелке. Ладонь поплыла лодчонкой, потерявшей кормчего, вода колыхнулась и замерла. Пальцы женщины коснулись края тарелки, Роман надавил слегка, обе ладони ушли на дно, будто в глубь ледяного колодца. На полированную поверхность столешницы брызнули капли. Тотчас колдун извлек руку посетительницы. Вода в тарелке замутилась еще больше, а затем, становясь все отчетливее и ярче, проступила картинка: тощая острогрудая девица в кровати с сигаретой в зубах. Подле неизвестной особы мирно посапывал дородный, начинающий лысеть мужчина.

– Нет, не может быть! – завопила блондинка, и изображение на дне тарелки пропало. – Это же Наташка. Сука!

Колдун усмехнулся: он с самого начала подозревал, что вопли и слезы гостыи были чистейшим спектаклем, об измене мужа она не догадывалась, оттого и видение на дне тарелки так ее потрясло. Но если не подозревала, зачем явилась? Журналистка? Решила разоблачить одного из Темногорских шарлатанов? Ну что ж, будет, о чем написать.

Блондинка тряхнула головой, лицо ее из растерянного сделалось мстительно-злым. Опять колдун постарался отстраниться от хлынувших эмоций. Но воду не уберег: влага в тарелке почернела; капли, упавшие на столешницу, превратились в густую слизь.

– Все мужики – скоты, – выдохнула гостыя, поднимаясь.

Роман неодобрительно покачал головой:

– Здесь нельзя говорить. Только с моего разрешения.

– Скоты, – повторила блондинка и шагнула к двери.

– Вы не заплатили, – напомнил Роман.

– Обойдешься, жулик! – Похоже, красотка спутала колдуна со своим мужем. – За что платить-то? Побрызгал грязной водой и все испоганил! От таких, как ты, все зло! Вы все опошлили, изолгали! Все святое испохабили!

– Вода была чистая, – Роман давал женщине шанс одуматься. Стихию нельзя оскорблять. Даже мысленно.

Но гостыя так распалилась, что ей плевать было на самого черта, не то, что на какого-то там колдуна.

– Ты все подстроил! Ты! Сашок не мог мне изменить! Киношка твоя порнушная – вранье!

– Неужели? – невинным тоном осведомился господин Вернон и, зачерпнул пригоршню воды, брызнул блондинке на плащ.

По лиловой ткани, извиваясь, поползли белые черви. Красавица открыла рот, но подавилась собственным криком. Губы ее конвульсивно дернулись; капля слюны, так и не отделившаяся от нижней губы, превратилась в мохнатую гусеницу. Блондинка была близка к обмороку. Она замахала лакированной сумочкой, будто отбивалась от невидимого врага, и вдруг швырнула ее на колени господину Вернону.

– Вы, мадам, не потрудились прочесть, что написано на медной доске возле двери, – укоризненно покачал головой Роман, доставая из сумочки кошелек и отсчитывая положенное количество купюр. – Так вот, на ней значится «господин Вернон». Не слуга, не маг, не чародей, а господин – запомнили?

Роман вернул посетительнице сумочку, небрежно смахнул с ее плаща извивающихся червей; на пол шлепнулись кляксы густой слизи. Последней упала гусеница, но она превращаться не пожелала, и ее пришлось раздавить, обрызгав желтой слизью остроносый сапожок посетительницы. Роман сам распахнул дверь перед полумертвой красоткой, утратившей внезапно свою восхитительную наглость.

Она вышла, и почти сразу колдун почувал едва уловимый запах – неприятный и явно нечеловеческий.

Роман отдернул бархатную штору. Так и есть: кто-то рано утром до прихода Марфы успел положить крысиный трупик, облитый красной краской у порога. Это означало, что на крыльце побывал приспешник Аглаи Всевидающей. Темногорск был известен своими колдунами, и если главная улица города именовалась Темногорским проспектом, то боковая, змеей сползающая к речке Темной, испокон прозывалась Ведьминской, хотя на табличках по-прежнему значилось «Героев труда».

Колдун совком сгреб крысу в мусорное ведро, полил трупик пустосвятовской водой из бутылки. Послышалось шипение, из ведра повалил густой желтый дым; резкий, с примесью серы. Запах ударил в нос. Так и есть, Аглаин подарок, только ее наговор, улетучиваясь, источает подобный смрад.

Итак, день не задался. Во-первых, посещение «дамы в лиловом» оставило неприятный осадок. Что-то было не так, во время обряда колдун упустил какую-то мелочь, но какую – не удавалось вспомнить. И это раздражало. Во-вторых, вслед за первой посетительницей косяком пошли обманутые жены и брошенные невесты, и так до двух часов пополудни, когда Тина, наконец, соизволила выползти из постели и подать Роману кофе и бутерброды с ветчиной. Но едва господин Вернон сделал пару глотков и куснул бутерброд, как на крыльце поднялся истошный визг: десять или пятнадцать глоток старались вовсю, но голос Марфы, разумеется, доминировал. Пришлось отставить чашку и явиться на крыльце собственной персоной.

Марфа как истинный страж порядка забаррикадировала своим телом входную дверь и ни за что не желала пускать двух лезущих в дом подростков. Один – мальчишка лет двенадцати, щуплый и узкоплечий, второй – здоровячек-подросток с флегматичным и невыразительным лицом.

– Они без очереди! Без очереди! – вопила Марфа, бия себя кулаком в грудь, как будто кто-то посмел покушаться на ее честь.

– У нас срочное дело, – отвечал щуплый мальчонка. – И жетон у нас есть. – Парнишка покрутил кружкой фольги с номером.

– Вы опоздали! – заявила Марфа.

– Совсем обнаглели! – возмутилась старуха, та самая, что собирала яблоки в авоську.

Вернон поднял руку, и все замолкли, хотя и не сразу. Обычно посетители были Роману глубоко безразличны, но этот пацан его заинтересовал. Ни у кого прежде он не встречал такой ауры. Ее отсвет ложился даже на внешность мальчишки, и потому волосы его казались совершенно белыми, а кожа – прозрачной. Роман даже подумал, что эта аура может помешать сеансу и дать наводку на его собственное поле. Но если он колебался, то лишь мгновение. Потом решительно взял мальчишку за руку и увел в кабинет, тем самым, нарушив собственное правило: не касаться клиента, пока не налита в тарелку чистая вода. И за свое отступничество тут же поплатился: почувствовал, что невидимая рука накинула ему на шею веревку и принялась затягивать петлю. Силы колдуна, конечно, хватило сбросить удавку, и даже в отместку ею же хлестнуть парня. Теперь сделалось ясно, что утреннее предчувствие относилось к этому посетителю. Мальчишка испуганно вскинул руку к щеке.

– За что? – выдохнул изумленно.

– А ты не понял?

Мальчишка отрицательно мотнул головой.

Скорее всего, он говорил правду. Даже на расстоянии колдун чувствовал, что ненависть в нем так и кипела. Накинутаая на шею петля была всего лишь материализацией этого чувства, и водная нить ожерелья послужила прекрасным проводником.

О, Вода-царица, кто же он такой?

Колдун усади мальчишку, как обычно, за стол, но сам в этот раз отодвинулся подальше. Не то чтобы мальчишка внушал ему страх. Но... За этим «но» могло таиться что угодно. Та дверь, которую невыносимо хочется открыть, а благоразумие приказывает навесить на нее замок и уйти подальше. Роман с содроганием подумал, что сейчас ему вновь придется коснуться гостя.

Тарелка с водой была как пограничный столб между ними.

– Как тебя зовут? – спросил Роман Вернон, хотя обычно он не интересовался именами тех, кто появлялся в этом кабинете. Их горе и боль оставались безымянными.

– Юл Стеновский, – буркнул мальчишка.

– Зачем ты пришел? Что хочешь услышать от меня?

– Хочу знать, почему убили отца, – прошептал Юл, стараясь не смотреть на колдуна.

– Когда это случилось?

– Вчера вечером. Его застрелили в подъезде дома вместе с телохранителем. И он... – Мальчишка задохнулся. – Отец знал, что его убьют.

Роман подался вперед, будто надеялся уловить вздох, сорвавшийся с губ осиротевшего мальчишки.

– Обратись мысленно к воде с вопросом, – велел шепотом.

Ладонь мальчика и ладонь колдуна коснулись зеркала воды, влага сделалась на миг непрозрачной, стальной, а потом на дне тарелки появился новенький «Форд», парень лет тридцати стоял подле. Он курил, нетерпеливо поглядывая на часы. Кого-то дождался. Юлу незнакомец показался пижоном, – одетый в светлый, по-летнему легкий плащ, он еще делал вид, что ему жарко – расстегнул не только плащ, но и верхнюю пуговицу рубашки. Разумеется, Юл тут же возненавидел незнакомца и мысленно окрестил его «красавчиком» за эту нарядную, не по погоде, одежду и за манеру держать голову откинутой назад и глядеть на прохожих сверху вниз. У незнакомца были светло-русые волосы, высокий лоб и темные брови. На скуле белая черточка шрама. Ну, теперь Юл сразу узнает киллера при встрече. Этот парень слишком заметен. В любой толпе, как киноартиста, его можно отличить. Он был слишком другой, не похожий на прочих.

Юл хотел спросить, где искать убийцу, но Роман предостерегающе поднял руку, осторожно повернул тарелку так, что теперь можно было разглядеть красное трехэтажное здание за спиной стоящего и покосившуюся церквушку с нахлобученным на макушку новеньким блестящим неподъемным куполом, отчего старинушка грозилась вот-вот завалиться набок. Юл вглядывался в картинку изо всех сил, но, хоть убей, не мог догадаться, где искать киллера в светлом плаще.

– Я не знаю, где он! – крикнул мальчишка.

Изображение тут же пропало.

Роман пожал плечами. Он свое дело сделал, остальное его не касалось. Обычно. Но в этот раз ничего обычного не было.

– Может быть, этот парень был знаком с твоим отцом? – предположил колдун.

– Да, наверное, – отозвался Юл.

– Когда в последний раз ты видел отца живым?

– Вчера. Днем. Ну, мы отдельно живем. То есть я с мамой. У отца новая семья. А днем он зашел... – Юл запинаясь, с трудом подбирая слова. Комок стоял в горле. Слезы застилали глаза.

Ему вдруг показалось: колдун хочет, чтобы он, Юл, расплакался.

А Роман продолжал свой допрос. Не просто выспрашивал, а выпытывал. Не отвечать было невозможно:

– Что он сказал?

Юл попытался промолчать. Не получилось:

– Ну, ничего особенного. Чтобы я в случае чего Гамаюнова нашел.

– Гамаюнов, – задумчиво повторил Роман. – Кто такой Гамаюнов?

– Не знаю. Друг отца, кажется. Я его не видел никогда. Как этого парня зовут, можно узнать?

Роман отрицательно показал головой.

– Вы же кого угодно можете найти! – возмутился Юл.

– Я его тебе показал. Будь уверен – не случайно. Вы еще встретитесь.

– Когда он придет? – не отступался Юл.

Роман коснулся пальцами воды в тарелке. Прикрыл глаза.

– Скоро. Так что твой отец говорил о Гамаюнове?

– Чепуху всякую. Сказал: «Гамаюнов умеет плести нити». Чушь какая-то.

– Наверное, ты что-то перепутал, – согласился Роман. Колдун старательно изображал равнодушие. Похоже, мальчишка не ведает, что происходит на самом деле. Увиденное на дне тарелки поразило колдуна больше, чем его гостя. – Откуда, кстати, у тебя моя тессера?

– Что? – не понял Юл.

– Жетон с номером на прием?

– Ах, это! – Юл фыркнул. – У отца в бумажнике лежал. Он ведь мне бумажник отдал перед смертью. А там деньги и этот ваш... кружочек. В Темногорске все знают, что это такое.

Юл достал бумажник.

– Тот самый? – спросил колдун.

Юл кивнул и выложил на стол двадцать баксов.

– Это все? – спросил с затаенной надеждой.

Роман хотел сказать «нет», но вместо этого кивнул.

Пока мальчишка шел к двери, Роман испытывал непреодолимое желание его остановить. Но сделал над собой усилие и промолчал. Как только мальчишка перенес ногу через порог, Роман громовым голосом крикнул – нет, не крикнул, а рыкнул:

– Тина!

Ассистентка тут же возникла перед ним, безошибочно определив, что с капризами в данную минуту следует повременить.

– Выйди и скажи Марфе, что сегодня я больше не принимаю.

– Что-то случилось? – обеспокоилась Тина. Она всегда за него волновалась.

– Важное дело. – Он не собирался ее посвящать.

Тина исчезла. По воплям, что донеслись снаружи через минуту, Роман понял, что посетители в очереди не особенно обрадовались его решению. Ну что ж, пусть бунтуют всласть, Марфа им доходчиво объяснит, каково это – перечить самому господину Вернону.

Впрочем, если Романа и занимал доносящийся с улицы шум, то лишь секунду, не более. Другое его волновало: человек в светлом плаще, изображение которого он только что видел на дне тарелки. Вернее, не человек сам по себе, но одна вещь, мелькнувшая в зеркале воды, Романа поразила.

Господин Вернон потер одну ладонь о другую, потом осторожно придвинул к себе тарелку с водой, чтобы не потревожить поверхность, и невесомо опустил на воду ладонь. Изображение послушно возникло вновь. Только теперь лицо незнакомца оказалось ближе, можно было различить каждый волосок темных густых бровей и белую черточку старого шрама на скуле. Но не эти подробности интересовали колдуна. Роман вновь осторожно повернул тарелку, чтобы можно было разглядеть шею незнакомца. Так и есть! На парне красовалось водное ожерелье: среди сплетенных разноцветных косиц посверкивала живым серебром водная нить. Роман смотрел на ожерелье и чувствовал, как лоб покрывается испариной. До сегодняшнего дня он полагал, что в мире существует единственный колдун, имеющий власть над водной сти-

хией. Это он, Роман Вернон, или попросту Роман Воробьев, последний, владеющий тайной. И вдруг на шее у незнакомца сверкает точно такое же ожерелье, как и у него!

Роман отодвинул тарелку, чтобы вновь видеть человека во весь рост. Незнакомец еще раз нетерпеливо взглянул на часы, потом махнул рукой, сел в машину и уехал. Роман поспешно передвинул тарелку: быть может, рядом с дорогой мелькнет что-то знакомое, какое-нибудь приметное здание, или дорожный знак, и тогда можно будет узнать, где в эту минуту находится парень. Но Вернон слишком поторопился: вода в тарелке колыхнулась, на стол упало несколько капель. Изображение пропало.

Роман вскочил и закружил по комнате. Вода-царица, что же получается? Значит, есть некто, кто сплел ожерелье. Существует как минимум еще *один*, кто может повелевать *его* стихией! Способный покуситься на могущество водного колдуна.

Гамаюнов, умеющий плести нити.

Гамаюнов. Это имя очень многое говорило Роману.

Колдун принес с кухни пустую пластиковую бутылку из-под минералки и слил в нее воду из тарелки – всю, до последней капли. Тарелку досуха вытер вышитым полотенцем. Дом покинул через заднюю дверь. Две тетki, сторожившие этот выход, бросились к нему, стирая руки.

– Молчать! – цыкнул на них господин Вернон, как на дворовых псов.

Тетки отскочили в сторону и даже присели, будто собирались встать на четвереньки.

Через десять минут Роман вывел из гаража свой «жигуль». Тина выскочила из дома, что-то крикнула ему вслед. Скорее всего, спрашивала, стоит ли ждать его к ужину.

«Не жди», – мысленно отдал ей приказ Роман.

Осенью смеркается быстро, а Роман хотел засветло добраться до дома покойного Александра Стеновского. «Шестерка» на полной скорости въехала в огромную лужу и обдала фонтаном брызг пробирававшихся по сухой кромке пешеходов. Все, что успел сделать Роман, это очистить брызги до того, как они коснулись одежды прохожих. Вряд ли вода в городском водопроводе была прозрачнее этих капель. Но из принявших холодный душ никто не заметил оказанной милости, вслед удалявшейся машине понеслись проклятия. Роман отбил их назад, как мячи теннисной ракеткой. Грохнулись ли они на головы пославших огромными градинами или пролились ядовитым дождем, колдуна не интересовало.

Заметим в скобках: осенью господин Вернон был особенно силен.

Как ни торопился колдун, однако по дороге завернул к новенькому деревянному домику-теремку в старорусском стиле с резными наличниками, расписными ставенками и высоким крыльцом, на коньке которого махал крыльями деревянный петушок. Правда, крыша была не древняя, драночная, а современная, из стальной черепицы. Домик этот принадлежал главной Темногорской ворожее Аглае Всевидящей. К дверям никого без приглашения не допускали – тесовые ворота с кирпичными столбиками и заборчик из обрезной доски выше человеческого роста без единого просвета оберегали Аглаины хоромы от любопытных глаз. Но зачем Роману Вернону подходить ближе? Выйдя из машины, зачерпнул он из ближайшей лужи, дунул на пригоршню, превратил воду в ледышку и швырнул на крышу теремка. Через несколько минут в стальном листе непременно образуется течь, и ни один кровельщик на свете не сможет ее залатать. Придется Аглае черепицу свою железную менять, потом крышу целиком перекрывать на зиму глядя – да всё без толку: с первым дождем непременно послышится на чердаке дробное падение капель.

Будешь знать, Всевидящая, как крыс заговоренных под дверь Роману Вернону подкладывать!

На углу Ведьминской Роман еще раз остановился.

Здесь у газетного ларька сидел нищий с выставленными напоказ иссохшими ногами и такими же руками. Суслик, бывший рэкетир. Давний «знакомец» Романа. Увидев водного колдуна, нищий съезжился, щеки его позеленели. Суслик убежал бы, если б мог, он бы в землю зарылся, километра на два как минимум, где, сказывают, колдовская сила не действует. Но он остался сидеть, лишь таращил глаза и шевелил губами. Роман Вернон его, похоже, и не замечал.

– Сегодняшний номер «Темногорских новостей», – попросил колдун у киоскерши.

– Специально для вас отложила, Роман Васильевич, – сладко улыбнулась продащица. Колдун бросил сотню за местную газетенку на две странички и сдачи не взял.

Суслик наконец обрел голос и промямлил заискивающе:

– Доброго вам здоровыща, Роман Васильевич.

Колдун только тут, кажется, на него взглянул.

– Здоровье никому не мешает, – снисходительно кивнул в ответ.

– Вот и я говорю... вы б меня того... – торопливо зашепелявил Суслик. – Роман Васильевич... назад... бы... излечили. А то я тут чисто кукла какая.

Проходившая мимо бабка насыпала в шапку Суслика мелочь.

– Мало еще сидишь, – отвечал Роман, просматривая газету. На последней странице в разделе «Происшествия» крупным шрифтом было набрано «Убийство бизнесмена». «Убитый, Стеновский Александр Казимирович, крупный предприниматель, застрелен в подъезде своего дома по адресу...»

– Да где ж мало! – канючил Суслик. – Пять месяцев уже. А что я сделал-то? Что? Две штуки у вас, Роман Васильевич, попросил. По-хорошему. Мне жить тоже на что-то надо.

– Вот я тебе рабочее место и организовал. Ты здесь сидя, уже десять штук собрал. Не меньше. Если я тебе прежний облик верну, как жить будешь? Ты же ничего не умеешь. Опять вымогать деньги станешь. А так люди тебе сами несут.

– Я в дворники пойду! – пообещал опрометчиво Суслик. Роман не ответил, направился к машине. – Колдун проклятый, чтоб у тебя тоже ноги отсохли! – рявкнул было бывший рэкетир, но тут же сбавил голос до свистящего шепота.

Роман сел в машину и хотел уже ехать дальше. Но что-то остановило. Газета. От нее пахло дымом. Точно – дымом. Запах заставило снять руки с руля и взять брошенную на сиденье газету. Так и есть. Целую полосу занимало интервью с новым жителем Темногорска, колдуном Миколой Медоносом.

Медонос? Значит, он вернулся? Но когда? Интересно, знает ли о его появлении в Темногорске колдовской Синклит? Слышал ли Чудодей? А если слышал, то что собирается делать?

Вместо фотографии Миколы на полосе поместили коллаж: языки пламени, из белого огня глядели на читателя черные без блеска глаза мага.

«Что вы думаете о Темногорских колдунах?» – спрашивала корреспондентка у Медоноса.

«Да ничего я о них не думаю, – отвечал тот. – Потому как настоящих колдунов в Темногорске нет».

«А как же Михаил Чудодей, глава Синклита? – допытывалась корреспондентка. – Его считают одним из лучших».

«Он – колдун старой формации. Его время прошло».

– Чтоб тебя водой смыло! – прошептал Роман. Скомкал и отшвырнул газету.

К дому, где прежде жил Стеновский, Роман приехал уже в сумерках. Обычная коробка, построенная совсем недавно, но уже обросшая самодельными рамами лоджий по фасаду; тощие, только что посаженные березки на газонах. Прежде чем подойти, Роман прощупал оккупировавших скамейку подростков и о чем-то спорящих парней возле не желавшей заво-

диться машины. Ни от кого не исходил тяжелый удушающий запах огнестрельного оружия. А вот щуплый парень, сидевший в скверике на детских качелях, явно имел при себе пушку. И слишком уж внимательно наблюдал за подъездом, где накануне было совершено убийство.

«Переодетый мент, – решил Роман. – Из начинающих. Старается».

Вряд ли бандиты оставили бы здесь своего наблюдателя. Хотя наглость – качество беспредельное. Что ж, придется рискнуть. Колдун вошел в подъезд. Кровь на бетонном полу успели наскоро затереть, но прожилки трещин вместо обычного темно-серого цвета приобрели бурый оттенок. Роман присел, ковырнул ногтем засохшую кровь, растер между пальцами, затем капнул на ладонь пустосвятовской воды из фляги. Всё, что он почувствовал – это нестерпимый ужас умирающего. Своего убийцу Стеновский не знал. Роман распрямился, отряхнул ладони, и в эту минуту сзади к нему подскочил тот тощий паренек, которого он приметил в сквере.

– Следователь Сторуков, – представился он. – Ваш-ши документы! – потребовал, налегая на буквочку «ша».

И так рванул из рук Романа паспорт, будто надеялся увидеться там прописью имя заказчика убийства. Если бы захотел, колдун уже трижды три раза мог бы обездвигнуть незадачливого сыщика, но пока этого не требовалось.

– «Роман Васильевич Воробьев», – прочел Сторуков и листнул документик. – На улице «Героев труда», значит, проживаете. Что-то имечко мне твое знакомо, парень... – хитро ухмыльнувшись, сообщил сыщик.

– Оно всем в городе знакомо, – отозвался Роман. – Только обычно меня называют «господин Вернон».

– Колдун, что ли, – дошло, наконец, до следователя Сторукова.

Роман молча кивнул. Сыщик повертел в руках паспорт уже без прежнего пренебрежения, а даже как будто с опаской, и протянул колдуну.

– Это вы тело лейтенанта Марченко на прошлой неделе в омуте нашли? – голос его из начальственно-пренебрежительного сделался почти заискивающим.

– Я, – подтвердил Роман.

Сторуков сделал попытку ухмыльнуться, но не получилось.

– Убийцу ищите?

– Именно.

– А-а... Ну что ж, флаг вам в руки. Что-нибудь интересненькое обнаружите, нам сообщите.

– Непременно, – пообещал Роман.

В подъезде никаких следов больше не было, и колдун вышел на улицу вслед за сыщиком. Перед самым входом в подъезд, на разбитом машинами асфальте образовалась огромная лужа, от одного поребрика до другого. Ясно, что эта водная туша разлеглась здесь отнюдь не сегодня: и вчера и позавчера та же самая вода плескалась в черной ямине, подстерегая незадачливых пешеходов. Трудно было подобраться к подъезду и не наступить хотя бы на краешек водной глади. Почему бы не предположить, что убийца должен был въехать в лужу ботинком? Роман присел на корточки, положил ладонь на поверхность воды. Лужа помнила многих и многих – прежде всего протекторы машин, давящих ее каждое утро и каждый вечер. Машины Романа не интересовали: не стал бы убийца подъезжать на тачке так близко к месту преступления. Его интересовали люди. Вот ребенок играл здесь накануне вечером, водил прутиком по грязной воде; лужа услужливо запечатлела его круглую мордашку, отразившуюся в глубине. Вот какой-то пацан, подвыпив, брел напрямиком, черпал воду ботинками, смачно плевал на черную поверхность.

И вот, наконец, сам господин Стеновский делает свои последние шаги по земле, дважды ступает в лужу. Роман не мог ошибиться – частица крови убитого только что была на его ладони. Охранник топает напрямиком по воде. Неуклюжий, стоило ли нанимать такого? А

вот убийца – ловкач. Нет его следов. Ни разу не соскользнул в воду, пока шел по следам будущей жертвы. Другое дело «после». Теперь, не желая быть кем-то замеченным, он торопился и оступился один раз, но так, что при этом сохранилось лишь отражение руки по локоть, да след кроссовки сорок пятого размера, пошитой на местной фабрике и украшенной поддельным клеймом на английском. Можно было еще предположить по отражению штанины, что на парне были надеты джинсы. Не слишком много следов.

Роман выпрямился, аккуратно стряхнул воду с ладони, стараясь не выказывать брезгливости. Колдуну его квалификации не пристало обижать стихию, даже если она так унижена и убога. Всем порой приходится надевать рубище.

– Ну, как? Портрет убийцы готов? – поинтересовался сыщик, наблюдавший за действиями господина Вернона. – Фоторобот будем составлять?

– Убийца носит кроссовки сорок пятого размера, выпускаемые в Темногорске. Довольно осторожен. В своем деле профессионал. Уверен в себе. Ходит в черной кожаной куртке и джинсах. Руки в рыжих веснушках. Волосы, возможно, рыжие. На среднем пальце наколка.

– Какие важные сведения! – с преувеличенным восторгом воскликнул мент, не ясно было, издевается он или пытается подольститься.

– Они могут пригодиться, – сухо отвечал колдун.

Роман уже выезжал на улицу, когда наперерез ему, будто не по асфальту, а по воздуху, промчалась ярко-желтая иномарка. На дымчатых стеклах «Вольво» алели блики неведомо где горящего костра. Иномарка свернула за угол. Роман повернул следом. Два или три квартала промелькнули за стеклами. Около недостроенного особняка с круглыми куполами в византийском стиле новенькое авто притормозило. Стальные ворота медленно раздвинулись, пропуская «Вольво». За воротами Роман ничего разглядеть не сумел – лишь пляску оранжевых языков призрачного пламени.

Сомнений не было: на своем пути водяной колдун повстречал Миколу Медоноса.

От особняка (как и от местной газетки с интервью) пахло дымом. Не настоящим, едким, а чуточку бутафорским. Миколу, как видно, очень хотелось продемонстрировать всем свою силу. Однако водному колдуну было сейчас не до выкрутасов колдуна огненного. Пусть с Миколой глава Синклита Чудодей разбирается.

Романа Вернона интересовал Юл Стеновский.

«Отец перед смертью велел мальчишке найти Гамаюнова, – размышлял Роман Вернон, разворачивая машину. – Где искать – не сказал. Вообще ничего не сказал. Адреса не оставил. Получается, Юл должен сам на него выйти, без подсказок. В силу каких-то своих особых способностей. Оч-чень интересно».

ГЛАВА 4

Незнакомец с ожерельем

О чем думал Александр Стеновский, входя в тот вечер в последний раз в подъезд собственного дома? О ждущей наверху в новой квартире красавице-жене с манерами несостоявшейся кинозвезды? О бывшей жене, которая так постарела и подурнела за какие-нибудь парутройку лет, что утратила всякий намек на женское очарование? О сыне, живущем от него за три квартала, то есть почти на краю земли? О том, что они с Юлом так схожи, что, глядя на мальчишку, он вспоминает забытые подробности собственного детства, свои давние пристрастия и желания того времени, когда слово «желание» еще не приобрело эротического оттенка?

Нет, в свою последнюю минуту он думал совсем о другом.

Его смерть была обычной и в то же время очень странной. Банальным это преступление могло показаться только на первый взгляд. Стеновского застрелили так, как убивали многих, но только он не относился к той категории «многих» и «могущих», которая подлежала отстрелу. Для того чтобы кому-то захотелось подослать к нему киллера, Стеновский был слишком беден. Крохотная фирмочка, в которой он «крутился», была собственно его лишь на четверть. Да и появилась она на свет не потому, что Стеновский умел ловко покупать и продавать, а потому, что почти что случайно придумал простой и дешевый способ, как на старом оборудовании наносить на детали совершенно уникальное покрытие, повышая их износостойчивость в несколько раз. Жил он то богато, то голодно. Сыт бывал, когда получал очередной заказ, в такие дни любил он пошиковать. К тому времени, как заказ выполнялся, денег не оставалось ни копейки, и Стеновский вновь пускался на поиски заявок и средств. Так что ради той мелочи, которая ему доставалась, не стоило марать руки. Охранника до последнего времени Стеновский держал только в офисе, да и то совместно с другим «ООО», снимавшим две соседние комнатухи. С «крышами», ни своей, ни чужой, не ссорился и по мере человеческих сил соблюдал все писанные и неписанные законы. Его смерть была *беспричинна*.

И в то же время Стеновский знал, что умрет. Уже две или три недели кто-то тенью крался за ним, подбираясь все ближе, горячо дыша в затылок, но при этом оставался невидимым и недостижимым. Никто не звонил в час ночи с угрозами, никто ничего не требовал, даже женщины вели себя на редкость миролюбиво, уяснив, наконец, простую истину, что поздно перевоспитывать человека, когда на его висках проглянула седина. Но невидимая тень приближалась и тянула к горлу паучьи лапы. Самым простым было бросить все и пуститься в бег. Но эта мысль казалась смешной и унижительной. Пока опасность не глянула в лицо, в нее невозможно было поверить до конца. Однако Александр Казимирович поверил настолько, что нанял охранника, который последние дни следовал за ним повсюду. Но это не помогло. Когда в полутемной парадной тень, наконец, материализовалась и шагнула навстречу, широкоплечий детина с детским криком «ой» метнулся назад, к дверям. Но выбежать не успел.

Может быть, в последнюю минуту Стеновский подумал, что зря нанял этого парня, зря добавил к своей, обреченной, еще эту бестолковую и такую короткую жизнь?

Увидев дам, в котором прежде жил отец, Юл остановился, поднял глаза и попытался отыскать на ровной панели среди черных квадратиков окна отцовской квартиры. Он не сразу понял, что не может этого сделать: Юл ни разу не был у отца в гостях. В его сознании отец был бездомным, как это ни дико звучало. Сын знал номер дома и номер квартиры, но не понимал, как эта короткая последовательность цифр может соединить его, Юла, с обрвавшейся внезапно жизнью?

Двое – мужчина и женщина – прошли мимо. Женщина скорым движением поправила черный кружевной платок и поглядела на часы.

– Скорее, – проговорила женщина раздраженно, и парочка свернула во двор. Они опаздывали, и Юл прекрасно знал – куда.

Нет, он не пойдет за ними. Он отправится прямо в церковь на отпевание и там подождет. Да, да, в церкви он сможет подойти к отцу, то есть к гробу и... Юл внутренне содрогнулся. Он не мог представить отца мертвым. Разве может быть мертвым тот, кто с детским восторгом поглощает мороженое порцию за порцией и делит с сыном конфеты и сладости, как с приятелем, по справедливости, строго пополам. Юл боялся смотреть на мертвого, чтобы запомнить отца навсегда живым. А если он увидит желтую окаменевшую куклу, называемую трупом, то потом все время будет вспоминать только ее. Это было очень по-детски, но в эту минуту Юл позволил себе быть ребенком.

Он повернулся, кинулся бежать и тут же налетел на какого-то типа, идущего *туда*. Почему-то он понял, что парень идет на похороны. Но, едва коснувшись незнакомца, даже сквозь одежду мальчишка ощутил непереносимое внутреннее напряжение этого человека. Взгляд Юла прежде всего упал на новенькие ботинки из натуральной кожи, обсыпанные прозрачными бусинками влаги, потом скользнул по светлым, в мелкую полоску, брюкам, по серому, опять же очень светлому плащу, и наконец добрался до лица...

– Ты?! – заорал Юл и вцепился в плащ незнакомца бульдожьей хваткой. – На помощь! Держите! Убийца! Убийца!

– Что ты мелешь? Кто ты такой? Отвяжись!

Напрасно парень пытался высвободиться из цепких пальцев Юла. Звереныш висел на нем, впиваясь в ткань ногтями, выкрикивая лишь одно: «Убийца! Убийца!»

– Если ты меня сейчас же не отпустишь, нам обоим хана, – прошипел незнакомец.

Но Юл оглох и ослеп, одно желание владело им – удержать подлого киллера! Пусть даже его самого убьют. Но зато вместе с этим ублюдком.

Парень, видя, что слова не помогают, сдавил запястье мальчишки, не сильно, чуть-чуть, явно щадя. Юл тут же почувствовал мгновенную ослепляющую боль, пальцы разжались сами. Но было слишком поздно: двое дюжих ребят уже бежали мальчишке на подмогу. От одного киллер в последний момент сумел увернуться. Он наверняка даже успел бы расправиться и со вторым, если бы между ними не затесался Юл. Защищаясь, надо было либо смести ударом одновременно и мальчишку, либо шагнуть в сторону, чтобы разить уже с другой точки. Человек в светлом плаще выбрал второе, то есть этот лишний шаг, лишнюю долю секунды. И потому проиграл. Этот шагок все и решил – киллер не успел даже нанести удар, как уже катился по мокрому асфальту, а светлый щегольской плащ превращался в грязную тряпку. На запястьях киллера щелкнули наручники. Ага, правосудие восторжествовало! У края тротуара, взвизгнув тормозами, остановилась «Волга», двое здоровяков вместе с пленником втиснулись на заднее сиденье, и машина, наплевав на все правила дорожного движения, принялась разворачиваться. Юл стоял на тротуаре и растерянно смотрел на газующую посреди улицы машину. Незадачливый «жигуль» едва увернулся от столкновения и, взвизгнув тормозами, вылетел на тротуар. Раздался женский визг, глухой звук удара. Тут кто-то сзади навалился на Юла и подмял его под себя. Уже падая, он расслышал странный грохот, будто учитель в ярости хлопнул толстой книгой по парте. Несколько секунд Юл даже не пытался выбраться из-под навалившегося сверху тела.

– Больно-о-о... – простонал голос у него над ухом.

Только теперь Юл сообразил, что с ног его сбил Мишка.

– Ты чего? Вставай! – Юл попытался спихнуть с себя неповоротливое Мишкино тело.

Тот, наконец, отполз в сторону. Юл поднялся. Мишка продолжал сидеть на асфальте. При этом он как-то неуклюже привалился спиной к бетонному столбу. Глаза у Мишка были круглые и совершенно ошалелые.

– Ты чего? – повторил Юл.

Только теперь он заметил на Мишкиной куртке черную дыру. Вокруг дыры расплывалось красное. Верный телохранитель, в самом деле, спас жизнь графу.

– На помощь! – заорал Юл. – Сюда! «Скорую»!

– Пацана подстрелили, совсем оборзели, гады, – сказал какой-то мужичок подходя. – На-ко, выпей! – Он попытался влить в рот Мишке джин-тоник из банки.

Но тот не мог разжать зубы и лишь мотал головой из стороны в сторону. Юл влетел в дверь маленького магазинчика.

– Скорее! Скорее! «Скорую»! – завопил он. – Моего друга ранили.

И вдруг увидел, что машина с красным крестом уже подъезжает. Сама по себе, будто кто-то ее тормознул, как такси.

Юл кинулся назад, на улицу. Из машины уже выбралась врачиха в старенькой куртке, напяленной поверх халата, присела возле Мишки, пощупала пульс, пощелкала пальцами перед глазами, оттянула веко.

– Идти можешь? – спросила.

– М-могу, – промычал Мишка.

– Тогда вставай.

– Я с ним! – заявил Юл.

– Давай-ка, мальчик, домой, – строго приказала врачиха. – Как-нибудь справимся без тебя.

Юл огляделся, не зная, что делать. К своему изумлению, он увидел на другой стороне улицы Романа Вернона. Юл в первую минуту растерялся: меньше всего на свете он ожидал вновь встретить этого типа. Что нужно здесь колдуну? Проверяет правильность сделанного предсказания? Или...

Юл перебежал улицу, готовый наговорить Роману Вернону всяких гадостей. Но, подойдя ближе, невольно робел.

– Вы его узнали, да? Это киллер? Он убил отца? – Юл еще надеялся, что колдун скажет «да».

– Вряд ли, – покачал головой Роман. – Как твой приятель? Не сильно пострадал?

– Врачиха сказала, что справится! Меня киллер интересуется!

– Ты об этом парне в светлом плаще? Спешу тебя разочаровать: он – не киллер.

Слова колдуна ошеломили мальчишку, хотя он и ожидал чего-то подобного. Но одно дело – предчувствовать, а совсем другое – услышать.

– Но как же! Вы сами указали на него!

– Не спорю, ты видел его лицо на дне водного зеркала. Но что ты спросил при этом?

– «Кто убил?» – сказал Юл не очень уверенно.

Колдун рассмеялся.

– Нет, парень, неверно. Ты спросил: «Почему убили?» Это большая разница.

Юл молчал, понимая, что совершил непоправимую глупость. Но Роман эту глупость наверняка сразу заметил. Но не остерег.

– Так что мы знаем только одно, – продолжал колдун, – этот тип, которого только что увезли неизвестно куда, причастен к смерти твоего отца. Какова его роль, мне неизвестно. Но можно сказать почти наверняка: твоего отца убили из-за этого человека.

– Значит, мы должны его найти, – объявил Юл.

Он думал, что колдун либо пошлет его подальше, либо потребует бабки за новые услуги. Но ошибся.

– Может, ты и прав, – задумчиво произнес Роман и кивнул в сторону стоящей неподалеку «шестерки»: – Тогда поехали искать.

Юл, несколько обескураженный таким поворотом событий, уселся на переднее сиденье.

– Его везут за город, – сказал Роман, выбираясь на Темногорский проспект.

Неожиданно сбоку у поребрика мелькнула неказистая темная фигура. Взмахнула рукой. Роман затормозил. К машине подошел немолодой мужчина в вязаной шапочке и очках с толстыми стеклами, глаза за ними казались маленькими, взгляд – беспомощным.

– Роман Васильевич, вы из города уезжаете? – спросил мужчина.

– Михаил Евгеньевич, я по своим делам. – Колдун нервничал: ему не нравилась задержка.

– Не уезжайте, – в голосе Михаила Чудодея послышались просительные нотки.

– Я скоро вернусь, – пообещал Роман Вернон.

– Мы быстро, – заверил Юл. – До темноты обернемся.

Они помчались дальше, безошибочно выбирая нужную дорогу, хотя «Волга» с похитителями и пленником давно уже скрылась из виду. Юл даже подумал, нет ли в одежде похищенного радиомаячка, но потом решил, что эта догадка из разряда безумных.

Теперь Юл уже точно не попадал ни на отпевание в церковь, ни на кладбище. Все складывалось так, как он втайне желал. Какая детская уловка! Он знал, что будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, и на самом деле оправданий у него не было и быть не могло. Но вся оставшаяся жизнь Юла не волновала. Только сейчас. Только теперь. Остальное будет после.

Он оглянулся, как будто прощался – с отцом или городом, он не понял. Вдалеке над крышами многоэтажек огромной темно-серой шапкой поднималась в пасмурное небо гора. Вершина ее растворялась в тучах, а склоны горбились и меняли очертания.

– Что это? – спросил Юл.

– Призрак, – отвечал колдун, мельком глянув в зеркало заднего вида. – Не хочет нас из города выпускать.

Юл снова оглянулся. Никакой горы больше не было: на ее месте клубилась тяжелая осенняя туча с густыми завитками по краю.

Никогда прежде ни с чем подобным Роман не сталкивался. Ну, скажите на милость, как могло статься, что человек, носящий водное ожерелье, позволил затолкать себя, как барана, в машину и увезти? Ведь похитители касались его *голыми* руками, а парень даже не потрудился задействовать водную нить. Это так же просто как сказать «Боже мой», даже если ты не веришь в Бога. Пусть человек абсолютно глух к водной стихии, все равно он может управлять водной нитью, как лишенный слуха человек барабанить по клавишам пианино. Но, раз этот тип не сделал даже попытки воспользоваться своей силой, сразу напрашивался ответ: парень не знал силу ожерелья. Он носил его как обычный амулет, потому что даритель не удосужился посвятить его в тайну. Но почему? Дать ключ и не показать дверь, которую тот отпирает – это изощренное издевательство. Особенно если учесть, что со стихиями шутить не стоит. Чем больше в голове Романа возникало вопросов, тем сильнее хотелось отыскать похищенного, а через него выйти на того причудника, который надел человеку на шею ожерелье с водной нитью, как какой-нибудь собачий ошейник.

Между тем вода, налитая в бутылку и хранящая образ незнакомца, вела Романа с верностью ищейки по свежему следу. Они уже выехали из Темногорска и помчались по загородному шоссе. Как и большинство подобных дорог, эта была в рытвинах и ухабах. Вздывая тучи брызг, они неслись в сторону Золотой Рощи, прежде любимого места отдыха горожан. Год назад Золотую Рощу поделили на места под застройку элитных дач. От великолепной рощи уцелели несколько вековых дубов, да и те были готовы вот-вот пасть под пилами строителей.

Дом они отыскили уже в сумерках. Только что заасфальтированная дорога вела к роскошным дворцам из красного кирпича. Недостроенный особняк с портиком и колоннами в центральной части и двумя флигелями по бокам, с башенками и куполом-грибком, этими непременно прибабасами современной эклектической дворцовой архитектуры, был обнесен высоченным металлическим забором с острыми пиками и массивными кирпичными столбами. Дом стоял на берегу озера – за стволами уцелевших вековых сосен просвечивало стекло

воды. Слева возвышались еще два кирпично-стеклянных монстра, один – любимое детище местного водочного короля, другой – начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями.

Роман объехал нужный дом стороной и остановил машину в метрах пятидесяти от забора на том клочке побережья, который еще не успели поделить. В трех окнах первого этажа интересующего его особняка горел свет, и едва глянув на это ослепительное свечение двухсотваттовых лампочек, Роман понял, что опоздал. Он спешно плеснул себе на ладонь воду из бутылки и сделал Юлу знак коснуться образовавшегося крошечного зеркала. Тотчас возникла картинка, мутноватая и мелкая, но глаза господина Вернона успели разглядеть происходящее: похищенный, уже без плаща, и даже без рубашки, лежал на полу, а два костолома ладили к его телу оголенные концы проводов. Потом третий шагнул к розетке и... Тело незнакомца выгнулось дугой и опало без движения. Даже на таком расстоянии Роман понял, что сердце пленника остановилось, а дыхание оборвалось.

Идиоты! Кто ж проделывает такие вещи с человеком, у которого на шее водная нить! В школу надо иногда ходить и знать, что такое коснуться оголенного провода, сидя по шее в воде.

Роман стряхнул капли с ладони и побежал к дому. Лезть через двухметровый забор не было охоты, да и ни к чему – Роман приложил ладонь к металлической ограде. Вода, повинаясь приказу Вернона, мгновенно изъела ржавчиной железные прутья, металл осыпался на землю рыжей трухой. Колдун нырнул в образовавшуюся дыру. Теперь надлежало решить, чем заняться – стальной дверью или стальными решетками на окнах, что быстрее поддастся напору колдовской силы. Роман выбрал решетки, и не ошибся: прутья в палец толщиной ссыпались точно так же рыжей пылью, как за минуту до этого пики забора. Роман разбил ногой стекло и приземлился на хрустящие осколки. Он еще не успел выпрямиться, как ему на плечи навалился стокилограммовой тушей охранник. Колдун не сопротивлялся, позволил громиле сгрести себя в охапку. Здоровяк уже с наслаждением начал выламывать руку, но хватка его внезапно ослабла, человек дернулся, захрипел. Роман почувствовал, как в затылок ему ударила струя теплого пара, и с отвращением сбросил беспомощную тушу на пол. Дожимать противника было некогда, да и незачем: вряд ли этот тип очухается раньше, чем через неделю. Сейчас главное, чтобы никто не нажал на спусковой крючок, потому что заставить пулю заржаветь на лету господин Вернон не мог.

Роман побежал по коридору на свет. С того момента, как у пленника после неудачного опыта с электричеством остановилось сердце, прошло три минуты. То есть почти все время истекло. Если за оставшуюся минуту Роман не расправится с двумя с похитителями, в его распоряжение поступит свеженький труп с распавшимся водным ожерельем.

– Эй, Хорь, кто там бузит? – послышался раздраженный голос, и Роман нос к носу столкнулся в дверях со вторым пытателем.

Колдун рванулся ему навстречу, как старому приятелю. Ну почему бы нам, дорогой, не обняться, пусть даже не дружески, пусть с явным желанием свернуть друг другу шею, что в данной ситуации не имеет значения! Едва палач облапил колдуна, как тут же стал валиться на пол. Роман подхватил его и не дал упасть, рассчитывая превратить громилу в живой бронезилет. Человек хрипел, тело сводили судороги: каждая клетка исторгала воду; в комнате сделалось парно, как в бане, по каменной кладке текли ручейки. Третьему охраннику некогда было разбираться в происходящем: он выхватил пистолет и принялся палить в незнакомца, но при этом всаживал пулю за пулей в своего напарника. Тело-щит дергалось и оседало на пол, грозя выскользнуть из рук Романа. На кожу колдуна выплеснулась горячая жидкость, будто кипящее масло с раскаленной сковородки. От неожиданности Роман вскрикнул и едва не выпустил тело.

Грохнул еще один выстрел, и следом – сухой шелчок. Обойма кончилась. Роман швырнул изувеченный труп в стрелка. Кровь – это почти вода. Вода, которая повинуется господину Вернону. Прикажет закипеть – закипит. Прикажет ошпарить – обожжет до мяса. Ошпаренный

бандит зарычал и согнулся от боли. Роман ударил по запястью, выбил пистолет. Металла не коснулся, слава Воде-царице! Вторым ударом этого третьего обездвигил.

Успел? Нет? Роман бросился к лежащему пленнику. И остановился, замер. Окаменел. С прежним настроением нельзя было касаться пострадавшего, если колдун не желал, конечно, получить еще одну мумию в свое распоряжение. Роман опустил на колени, плотно сомкнул ладони и замер. Темная убивающая сила послушно свернулась змеей подкожной, нырнула в черное дупло на дне души, где будет таиться, пока ее вновь не призовут на помощь.

Роман положил обретшие живительную силу ладони на грудь пострадавшему и надавил один раз, второй, третий. Жизнь не возвращалась. Сверху дробно падали капли – осевшая на потолке влага проливалась мертвым дождем. Колдун запрокинул голову лежащего и выдохнул ему воздух в рот. Все, что он мог предложить в данном случае – это банальное искусственное дыхание. Как ни бился господин Вернон над тайной живой и мертвой воды, это чудо оставалось для него за семью замками. Человек, который должен был привести колдуна к удивительной тайне, был мертв, и он, Роман Вернон, ничего не мог сделать.

Или мог? Дерзнуть? Он положил руки умершему на грудь, мысленно погрузил ладони в грудную клетку, нащупал остановившееся сердце и сдавил его пальцами. Сердце ожило, закончилось в пальцах Романа, будто хотело выскользнуть, освободиться, но колдун не выпускал его, и заставил-таки выплюнуть свежую кровь в аорту. Тут же в груди лежащего что-то захрипело, он закашлялся, судорожно втянул в себя воздух. Наконец-то! Колдун взвалил пострадавшего на плечо и понес из дома.

Роман уже пробрался в дыру в заборе, когда перед ним возник еще один, неизвестно откуда взявшийся охранник. Руки колдуна были заняты, но бросить добычу он не решался.

– Стоять, падла! – приказал охранник, недвусмысленно направляя на колдуна блестящую железку. – А то положу на хрен!

Роман послушно замер.

«Ну, подойди, дорогуша, поближе, мы с тобой очень мило побеседуем», – мстительно пообещал господин Вернон.

Охранник не стал себя долго упрашивать, сделал шаг, и «вдруг» нога предательски заскользила. Браток завалился набок, а колдун, отбросив свою ношу, ринулся вперед, надеясь вложить в удар не только силу физическую, но и колдовской настрой. Скорее, пока этот тип не успел подняться! Пнул ботинком, метя в голову, но здоровяк увернулся, схватил Романа за щиколотку. Колдун грохнулся на землю, и в то же мгновение ядовитая змейка высунула голову с ядовитым жалом, готовая разить. Пальцы охранника так и остались сомкнутыми на ноге колдуна, а от огромного накачанного тела повалил густой белый пар, оно стало дергаться, съеживаться; лицо, гримасничая, превращалось в черный осклизлый гриб, сохнувший на горячей печке. Через минуту Роман с трудом расцепил черные иссохшие пальцы, сжимавшие его щиколотку, поднялся и вновь взвалил на плечо неподвижное тело спасенного.

Да, удачно он организовал лужицу под ногой охранника.

Полуживое тело спасенного все норовило сползти на землю, пока Роман бежал к озеру. Колдун торопился: пленник мог перестать дышать прежде, чем они окажутся в воде. Но парень попался живучий, воздух с хрипом kloкотал у него в груди. Он дышал, дышал через силу, пока они вдвоем не окунулись в ледяную воду. Тогда пленник вскрикнул неестественно и тонко, как кричат впервые, являясь на свет.

Вода, почуяв волшебную нить ожерелья, потянулась всей силой к неподвижному телу и так закутила и заколотила его, что едва не вырвала из Романовых рук. Но колдун крепко держал добычу. Вода отступила и ласково заплескалась, ластясь и упрашивая отдать ей тело навсегда.

– В другой раз, Вода-царица, – отвечал Роман и, зачерпнув пригоршню, вылил воду на лицо пленника, которое все это время поддерживал над водой.

– Холодно же, – слышался голос, вовсе не похожий на тот, первый, беспомощный крик, и человек попытался вырваться из Романовых рук, проявив при этом недюжинную силу.

– Потерпи еще немного, – велел господин Вернон.

Парень рванулся раз, другой, но потом успокоился. Встал на дно. Вода доходила ему до пояса.

В сумерках окна в домах желтели в темноте, да в одном из дворов горел яркий фонарь. И – что удивительно – тело спасенного светилось, но только до шеи, вернее, до ожерелья, – и светилось как-то странно, неровно, если присмотреться, то можно было различить тончайшие белые полосы.

Ни с чем подобным Роман прежде не сталкивался.

– Ты был мертв четыре минуты, а может быть и больше, – сказал господин Вернон.

– Ничего не помню.

– Ничего? – удивился колдун. – А как же туннель или ослепительный свет? Неужели не видел? Потом положена теплая встреча: рой дружественных душ, и светлая личность, просящая дать отчет о проделанной работе.

– Ничего, – повторил пленник. – Только тьма.

– Как тебя зовут?

– Алексей, – отвечал спасенный после паузы, явно с неохотой.

– Мало от тебя проку, Алексей. Я спас тебе жизнь. Зачем, и сам не знаю. Надеюсь, ты хотя бы объяснишь, почему убили Александра Стеновского?

Пленник вздрогнул всем телом. Ему явно не хотелось отвечать на этот вопрос, но противиться воле повелителя вод, стоя по пояс в воде, он не мог.

– Из-за меня, – прозвучало признание.

Ответ несколько не удивил колдуна. О чем-то таком он догадывался с самого начала.

– Ты мог этому помешать?

Алексей сделал попытку шагнуть к берегу и освободиться от колдовских пут, но ничего не вышло. Он лишь беспомощно дернулся и едва не упал: находясь в воде, вырваться из рук колдуна было невозможно.

– Н-не знаю... может быть... если бы знал заранее... – выдавил пленник.

Казалось, каждое слово доставляло ему боль.

– Почему эти люди схватили тебя?

Роману было плевать, что Алексей несколько минут назад вынырнул из волн Стикса, и теперь, стоя по пояс в ледяной воде, клацал зубами от холода. Парень должен ответить на вопросы, остальное колдуна не интересовало. Но Алексей замотал головой и – к удивлению Романа – в первый раз воспользовался ожерельем: провел пальцем вдоль водной нити и резко откинул руку в сторону, подняв фонтан брызг. Роману прекрасно был известен этот жест: теперь пленника бесполезно о чем-либо спрашивать: его голосовые связки будут парализованы в течение часа. А то и дольше. О, Вода-царица! Этот тип не так прост, как показалось вначале. Скорее всего, он и там, в доме, проделал этот же трюк. Вот почему похитители стали ладить провода к груди пленника. Верный расчет: в этом случае действие заклятия прекращается. Но побочный эффект чуть не свел все усилия к нулю. Разумеется, Роман к действию электричества прибегать не будет.

«Но неужели ты думаешь, дурашка, что можешь так просто перехитрить господина Вернона?!»

Роман лишь коснулся пальцем серебряной нити в ожерелье Алексея, и тот, не издав ни звука, ушел под воду. Роман ухватил его за руку и выволок на берег. Странное свечение, исходившее от тела, тут же погасло. Парень был в обмороке. Так даже и лучше, отложим разговор до завтра.

На берегу Юл переминался с ноги на ногу, дожидаясь.

– Вы что, купались? – удивился мальчишка.

– Охладились немного.

– Что с ним?

– Обморок.

– Он что-то сказал? – спросил мальчишка.

– Подтвердил кое-какие мои подозрения, – уклонился от ответов Роман. – Но твоего отца этот парень не убивал. Не тот размер обуви. – Он несильно пнул неподвижно лежащего пленника по лодыжке.

– Я и сам знаю. Теперь. – Юл отвернулся.

– Откуда?

– Чувствую.

– Ты уверен? – Против воли в душе колдуна шевельнулась зависть – хотел бы он сам точно так же легко проникать в чужую душу. Юл опустил на корточки и положил ладонь на лоб пленника. – На нем нет этой крови. Мы облажались, – Роману не понравилось, как мальчишка произнес с ударением это самое “мы”.

– Ты облажался, – уточнил Роман.

– Нет, ты! – Мальчишка не желал уступить, стиснул кулаки, как будто это могло придать его словам вес. – Ты же заметил, что я неправильно задал вопрос. А теперь валишь на меня!

Роман усмехнулся: ну что ж, если парнишка настаивает, пусть вина ложится на господина Вернона. Все равно по счету заплатит Юл.

– Я пытался его расспросить, но парень попался не из болтливых. Так что сначала его надо хорошенько спрятать. Как видишь, побеседовать с ним хотят многие, не только мы. – Колдун затащил пленника на заднее сиденье машины.

– Где спрятать?

– Подальше отсюда. Желательно не в Темногорске.

Роман достал из багажника сухую одежду и переоделся. Затем швырнул шерстяное одеяло мальчишке.

– Заверни его.

Пока Юл занимался пленником, колдун взял фонарик и вернулся к дому. Господа покойнички, принц возвращается, чтобы отыскать дорогую Золушку по оставленному следу сорок пятого размера. Вытяните свои ножки, если вы их еще не протянули!

Первым делом колдун оглядел ноги той мумии, что валялась на улице. Размер явно был маловат. Пришлось зайти в особняк. Было парно, пахло, как в выстывшей бане, – неприятный плотский влажный запах. Роман с отвращением коснулся стены – она была мокрой. Лишь третья «примерка» оказалась успешной. Кроссовки сорок пятого нашлись у парня, который послужил колдуну бронезилетом. Как раз те самые – местной фабрички с поддельным клеймом на подметке. Роман приложил ладонь к подошве правой ноги. Так и есть, след полностью совпал с отпечатком, оставшимся в луже. Руки у парня были густо обсыпаны веснушками, и наколка на пальце имела, хотя ее с трудом можно было разглядеть на сморщенной коже покойного. Итак, киллер мертв. Чего нельзя сказать о заказчике. Заказчик... Таинственный человек в тени.

Чей это дом, интересно? Хозяин будет очень недоволен беспорядком. Опять же, людей побили. До смерти. Из четырех охранников в живых остался только один – тот, что валялся в коридоре без сознания. Минуту Роман постоял возле него, раздумывая, не взять ли его с собой в Пустосвятово. Но потом решил, что это слишком хлопотно. В дружеских чувствах Алексея колдун сомневался. А этот пес начнет кусаться, как только очухается. Держать двух врагов на поводке – нет уж, увольте. Можно, конечно, просто добить. Роман даже наклонился и руку протянул. Но настроя не было. Змея не пожелала выползти из своего убежища. То, что колдун сделал в пылу драки, не получалось совершить намеренно, пусть и для того, чтобы замести

следы. Оставалось надеяться, что охранник не скоро сможет поведать о том, что здесь приключилось. У всех четверых «быков» Роман опустошил карманы. Забрал деньги, ключи, кастет, складной нож, брелок и записку от какой-то Маши. Кто знает, что в предстоящем деле может пригодиться. Пистолеты оставил – огнестрельного оружия колдун старался даже не касаться.

Потом Роман внимательно осмотрел комнату, подобрал одежду пленника, бумажник, и ключи пленника. Странно, но никаких документов Алексей при себе не имел. Колдун еще раз внимательно обыскал карманы убитых, но не нашел ни паспорта, ни водительских прав похищенного. Хотя, судя по всему, Алексей прибыл в Темногорск на своей машине. И денег в бумажнике было до смешного мало.

Значит, и деньги, и права, и документы пленник где-то оставил. Спрятал. Предусмотрительный.

Роман вернулся к своей «шестерке».

– *Что вы там в доме делали?* – спросил Юл.

– *Чем всем сейчас занимаются, тем и я.*

– *Не понял.*

– *Грабил я!* – Роман уселся за руль и вывел «шестерку» на дорогу.

– *Много надыбал?* – скривил губы Юл, не зная, верить странному спутнику или нет.

– *Всего понемногу. Шмотки клиента. Немного деньжат. Ключики неизвестно от какого дома. Хоромы потом отыщем.*

– *Вы чего, серьезно?..* – Юл замолчал. Потом спросил, запинаясь. – *А что с теми, ну... которые в доме? Что с ними?*

– *Умерли. Сердце не выдержало волнения.*

– *То есть вы их убили?* – Юл глянул на колдуна со страхом и одновременно – почти с восторгом.

– *Ты знаешь, что человек в основном состоит из воды?*

– *Ну да... Девяносто процентов... Или что-то около...*

– *Так вот, я могу одним прикосновением эту воду из тела изгнать.* – Он взмахнул рукой, продолжая второй удерживать руль. – *Фр-р-р!* – Юл вздрогнул и невольно отшатнулся. – *И все. Испарилась. И человек, не человек уже, а мумия. Хоть в музее выставляй.*

– *Ожог у этого парня? Тоже вы?*

Услышав вопрос, Роман передернулся, не в силах сладить с отвращением.

– *Не надо об этом,* – проговорил он глухим голосом.

От одного слова «ожог» его начинало тошнить, а вид волдыря, оставленного огненной стихией, мог довести до полубоморока. Он содрогнулся. Представилось на миг – языки пламени лижут кожу на руках и лице. Огня он боялся. До дрожи... До смерти.

– *Ожог завтра смою.*

– *Куда мы едем? Назад? В Темногорск?* – Юл оглядывался, не узнавая дороги.

– *Нет, туда нельзя. Со мной поедешь. В Пустосвятово. Там отец у меня живет. Мы, похоже, в большое дерьмо вляпались. Видел, какие хоромы у шефа этих ребят? Простой ларечник на такую дачку не замахнется. А этот парень... Он зачем-то им был нужен. И как-то связан с твоим отцом.* – Колдун внимательно посмотрел на Юла (тот сидел к нему в профиль), потом обернулся, глянул на лежащего без сознания на заднем сиденье Алексея, и повторил: – *Как-то связан.*

– *Отец мороженое любил,* – вдруг сказал Юл. – *Мы если куда-нибудь ходили, он непременно мороженое покупал. Если я даже не хотел, все равно покупал. И всегда какое-нибудь новое. Увидит новый сорт и обрадуется: «Я этого еще не ел!» – как маленький кричит. А теперь... Он ведь новый сорт мороженого теперь не попробует. У него горло постоянно болело. Но он все равно ел мороженое.*

ГЛАВА 5

Пустосвятово

В тот вечер Василий Васильевич Воробьев со своей второй женой Варварой мирно глядел в прямоугольник телеэкрана и то и дело клевал носом. Время было позднее, зато вечер пятничный, наутро идти куда не надо. Василий Васильевич любил по старой привычке наслаждаться этим самым бездельным и потому самым любимым вечером недели. Впереди два выходных, нет ничего в мире лучше, чем предвкушение этих двух дней. В субботу женушка непременно придумается неотложные дела, а не придумает – так просто начнет ворчать по привычке. Но в полночь, в пятницу, никто не будет тебя гнать на улицу колоть дрова для бани или чинить забор.

Варвара, глядя в телик, то и дело хихикала.

– Смешно? – спрашивал Василий Васильевич, разлепляя глаза.

– Не-а, – отвечала Варвара.

– Чего тогда смеешься?

– А что делать-то?

Василий Васильевич, так ничего не поняв, вновь начинал дремать. И тут Варвара толкнула его локтем в бок. Василий распахнул глаза, все еще видя остатки краткого бредового сна.

– Машина перед домом остановилась, – шепнула Варвара. – Ты звал кого?

Василий Васильевич отрицательно мотнул головой и подскочил к окну – поглядеть. Не видно было ни зги, осенняя влажная хмарь лежала густой пеленой: местная шпана успела расколотить все лампочки на покосившихся столбах. Потом вспыхнули огни фар и погасли: кто-то сигналил, вызывая хозяев. Этот район Пустосвятово, где проживал Василий Васильевич, застроен был лет сорок назад деревянными, успевшими изрядно обветшать домиками. Соседи наживали добро медленно, скоро умели лишь пропивать. Налетчики со стороны бывали здесь редко, крали друг у друга свои. Полночные гости не вызывали у Василия Васильевича радости.

– Ты калитку на ночь запираешь? – прошептала Варвара дрожащим голосом.

– Запирал, – отозвался Василий.

Да что толку запираешь, если гнилой забор склонился кое-где до самой земли. Длинноногий парень легко перемахнул низенькую огородочку и направился напрямик к крыльцу.

– Во двор лезут! – в ужасе взвизгнула Варвара.

Пес Бобка тут же подал голос, но не рьяно, как лаял бы на чужого, а вежливо, дружелюбно: мол, заходи, я тебя давно признал, ну и хозяину звоночек: гости у тебя.

– Ромка никак, – облегченно выдохнул Василий Васильевич и, отворив форточку, крикнул наружу: – Рома, ты?

– Я, батя, кому ж еще быть?

– Кому, кому, найдется, кому, – бормотал Василий Васильевич, идя открывать и натываясь впотьмах на лопаты и грабли, не убранные в кладовую. – Чем больше о твоих фокусах слухов ходит, тем чаще к нам в дом воры шастают. Отчаялся дома водку хранить. Все равно залезут и вылакают, обормоты.

Он долго возился с замочком и, наконец, открыл.

– Мог предупредить, что приедешь, – вместо приветствия укоризненно выговорил он сыну.

– У тебя же телефона нет, – пожал плечами Роман, давно привыкший к стариковскому ворчанию отца.

Однако в дом он вошел не сразу, а, похлопав отца по плечу, скорее покровительственно, чем сыновне почтительно, вернулся к машине. Минут через пять Роман воротился вместе с белобрысым парнишкой лет тринадцати. На плече, как тюк с тряпьем, Роман нес какого-то

парня, с совершенно белым, голубоватым даже лицом, и – как показалось Воробьеву-старшему – мертвого. Во всяком случае, старик хорошо разглядел, что веки человека полуприкрыты и сквозь щелки видны зеленоватые белки закатившихся глаз.

– Кто это? – спросил Василий Васильевич ошалело.

– Клиент, – кратко отвечал Роман. – Посветика-ка, я его на чердак затащу.

– Он хоть живой?

– Во хмелю он. К утру проспится.

Варвара тем временем давно уже стояла в сенцах и наблюдала nepотребную картину вторжения в ее собственный дом.

– Ты бы хоть разрешения спросил! – гаркнула она в ярости, и на щеках ее выступили пунцовые пятна. – А то сам приперся без спросу, и друзей приволок. Я их не знаю, и Василь Васильевич тоже никогда прежде не видал! Может, они жулики. Теперь все жулики и воры!

– Мы не надолго, – невозмутимо отвечал Роман, уж поднимаясь по лестнице в тяжелой своей ношей. – Завтра днем съедем. Ты бы, тетя Варя, нам поужинать собрала, я с дороги ужас до чего оголодал, и пацан тоже весь день ничего не ел. Кстати, знакомьтесь, это Юл. То есть Юлий Александрович.

– Что я тебе соберу? Грибы, что ли? – Варвара уперла руки в бока, – Ты с собой много привез? У меня пенсия маленькая. И у отца твоего не миллионы!

– Варя, голубушка, все-таки сын, – попытался успокоить супругу Василий Васильевич. – Припас у нас имеется.

– Мог с собой жратвы привезти, – не унималась Варвара, – чай не из последнего живет, как мы с тобой!

Как ни привык Роман к подобным Варвариным выходкам, все же его передернуло. Явился даже соблазн швырнуть старухе в лицо всю ее змеиную злобу. Но глянул на отца и остерегся.

– Некогда было, – донеслось сверху. – Завтра схожу в магазин, обещаю.

– Он непременно все купит, – поддакнул Василий Васильевич. – Ты для Вареньки конфеток шоколадных возьми. – Он повысил голос – неведомо для кого, для сына или для жены старался. – Варя у нас женщина добрая, это она для виду сердится.

Последнее утверждение было весьма спорным. Однако, пока гости устраивались, Варвара все же посетила холодную кладовку, достала сала с чесноком домашнего приготовления, яиц, грибов маринованных да квашенной капусты. Когда Роман с Юлом спустились вниз, стол был накрыт. У оголодавших гостей разом потекли слюнки. Юл, не дожидаясь, тут же подцепил вилкой несколько кругленьких сопливых маслят из керамической плошки.

– Я маринованные грибы почти как мороженое люблю, – признался Юл.

– Во, живоглоты, – процедила сквозь зубы Варвара, и Юл, растерявшись от такого приема, уронил вилку вместе с грибами на пол.

– Мы заплатим, – пообещал Роман.

– Заплатишь, – вздохнула Варвара. – Знаем мы твою плату – рупь дашь, десять назад отберешь.

– Почему вы опять ворчите, Варвара Алексеевна? – вздохнул колдун. – В прошлый раз говорили: «Куплю телевизор японский, мигом подобраю».

– Так мы ж телик так и не купили, – признался Василий Васильевич.

– Как так? Я же деньги давал. На телевизор и на видак.

– Ты дал, кто-то взял. Уехал ты в город – на другой же день воры в дом залезли, и все твои пятьсот баксов стырили. Вот так-с. Наваждение какое-то. Чуть у меня что заведется, вещь какая, или денюга, тут же сопрут. Сей момент. Кажется уже, только всю жизнь на одних воров и работаю, сам уже жду: ну, где же они, ребяташки, почему так долго не идут, почему не крадут.

– А как же милиция? – спросил Юл, ковыряя вилкой яичницу.

– Ментам-то зачем воров искать?хлопотно. У них свои дела поважнее, не до нас им.

– А Бобка? – Роман спросил скорее для порядку, в охранных способностях Бобки он всегда сомневался.

– Пес, наверное, гавкал, так он на цепи. Цепь до крыльца ему дотянуться не дает. Эх, наливай, – Василий Васильевич водрузил на стол бутылку самогону.

– Батя, ты же знаешь: я не пью. – Роман неприязненно покосился на бутылку.

– Урод, чистой воды урод, – вздохнула Варвара, – и в кого ты только такой вышел, а? Не иначе в Марью пошел – у нее в роду все психи были. Не пьет, не курит, ледяной водой умывается. И не женится. Ясное дело – урод.

– Батя, хочешь, я воров найду? – предложил Роман, пропустив Варварин монолог мимо ушей.

Василий Васильевич недоверчиво хмыкнул: в поразительные способности сына он никогда не верил, считая его «фокусы» чистейшим шарлатанством. Роман знал, что ему никогда не удастся убедить отца в обратном. Варвара была того же мнения:

– Ты своим дурням городским показывай всякую ерунду, – объявила она, – а нас просто так не проведешь!

Однако Роман не унимался: принес из машины белую тарелку, налил в нее колодезной воды и, взяв отца за руку, осторожно погрузил его ладонь в воду. На дне тарелки тотчас проявилось изображение: во всяком случае, Юл отчетливо различил мохнатую собачью шапку и торчащие из-под нее красные уши. Но более ничего разглядеть не удалось: Варвара будто ненароком махнула рукой, и тарелка слетела на пол.

– Это ж тарелка... – глаза колдуна так блеснули, что Варвара невольно съежилась.

– Варенька, лапушка, что ж ты неуклюжая такая, – забормотал Воробьев-старший. – Это ж кузнецовский фарфор. Марьи Севастьяновны наследство. Она мне сама говорила, что каждая тарелка стоит...

– Чего орешь-то? Ромка твой сам и разбил! – Варвара тут же пришла в себя и кинулась в атаку.

– Зачем же вы врете! – возмутился Юл. – Вы тарелку разбили! Нарочно!

– А ты кто такой?! Не дорос еще мне указывать! – вскинулась Варвара.

– При чем здесь мой рост? – опешил мальчишка.

– Я там что-то видел, – не очень уверенно сообщил Василий Васильевич, пытаясь перебить ссору.

Роман сидел, окаменев, глядя на белые жалкие осколки. Потом поднял один, повертел в руках. Скол был красный, как кровь.

– Ерундой всякой занимаются, ну чисто дети, – фыркнула Варвара. – Смотреть противно. Спать идите, чтобы я вас не видела! А то завтра будете до двенадцати дрыхнуть! Совсем нынешняя молодежь разленилась – не то что мы раньше: вставали в шесть и на работу, и так тридцать лет подряд. Теперь все спят, сколько влезет, никто работать не хочет. Только воруют.

Роман схватил Юла за шиворот и буквально выволок из комнаты в сенцы, чтобы парнишка не вздумал сказать еще что-нибудь правдивое. И вовремя. Едва Роман захлопнул дверь в жилую половину, как Юл заявил:

– Она знает вора!

– Надо же, какой догадливый! Я это тоже кое-как сообразил.

– Почему не сказал?

– Не время. Иногда и помолчать нужно.

– И что теперь делать?

– Наверх иди и на боковую. Там на кровати спальник лежит. Пуховой. Американский. С войны еще остался. В нем жарко, как в печке.

– Наш пленник не сбежит? А то возьмет и меня во сне придушит.

– Он без моего позволения ни рукой, ни ногой пошевелить не может, – заявил колдун.

Роман, как и предсказывала Варвара, проснулся в субботу поздно. Еще лежа на тахте, понял, что думать о происшедших накануне событиях он пока не в силах. Только начинал он к чему-нибудь прилепляться мыслью, как память его тут же сворачивалась в тугой жгут, и мысли враз исчезали. Ощущение было, что вступил он в бурлящий поток, и тащит этот поток его за собой неведомо куда. Подобного с Романом еще не случалось. Зачем он вообще влез в это дело, притащил сюда Алексея да еще мальчишку прихватил довеском? Ну, положим, Юл очаровал его способностью чувствовать чужую душу, у Романа тут же явилась дерзкая мечта подчинить мальчишку своей воле. Что касается Алексея, то этот человек был сплошной загадкой. Кто подарил ему ожерелье? Зачем? И почему целая свора головорезов охотилась за этим типом в светлом плаще? Плащ? Странный наряд, к слову.

Почему-то подумалось, что этот тип из службы безопасности. Но версия не выглядела достоверной.

Впрочем, отцовский дом – мало подходящее место для поиска истины. Напротив, здесь Роман всегда чувствовал себя настороженно, будто недобрый взгляд нацелен был в спину постоянно. Для своих родителей он был глупым, уродливым и бесталанным ребенком. Это единственное, в чем сходились отец с матерью, и в чем всегда были солидарны. Друг друга они ненавидели. За десять лет совместной жизни они изругались так, что, еще издали, завидев друг дружку, начинали орать, как резаные. Роман дивился их живучести: как можно скандалить изо дня в день, и не раздрать свои души на мелкие клочья. Потом этот вопрос перестал его волновать. С отцом они были людьми абсолютно чужими. Василий Васильевич не ведал, для чего явился в этот мир. Человек без предназначения, он метался от одного занятия к другому, от одной бабы к другой, каждый раз пытаясь уверить себя и других, что наконец-то открыл скрытый прежде смысл существования. Но проходил год, другой, и становилось ясно, что смысл так и не обнаружен, слепец не прозрел. В детстве Роман не понимал, почему отец скандалит, но не уходит из дома. Почему не соберет вещи и не бежит, куда глаза глядят. Он бы, Ромка, непременно сбежал. Когда вырос, понял, что Марья Севастьяновна мужа приворожила и не отпускала много лет. А потом в минуту раздражения приворот сняла. Воробьева в тот же миг как ветром сдуло. Впрочем, убежал он недалеко: всего в трех кварталах нашел новое пристанище у Варвары. Чем приворожила Василия Васильевича вторая жена, понять было трудно. Возможно, умением готовить завлекла: пироги она пекла отменные, рецепты ее солений пытались соседки разгадать уже много лет, но не могли. Воробьев-старший всем рассказывал, что наконец обрел покой и цель жизни в новой семье. Но Романа он обмануть не мог: перед ним был стареющий слепец, ощупывающий мир белой тростью.

Что касается матери, то именно от нее Роман унаследовал власть над водной стихией. Но наследство это было весьма сомнительного свойства: Марья Севастьяновна никогда не пользовалась водой так, как это делал Роман. Говорят, в молодости она много чудила, все Пустосвятово сходило с ума, да и Темногорску доставалось, но после рождения сына вдруг к колдовству охладела, лишь иногда снимала сглаз и выводила болячки, да и то лишь своим соседкам да знакомым. Если на кого-то злилась, немедля наводила порчу на воду: то колодец у соседей начинал вонять мазутом, и его приходилось срочно засыпать и рыть новый, то весной паводком смывало сарай у реки. Она никому не рассказывала о своих выходках, но Роман догадывался, чьих рук эти дела. Дед уже перед самой своей смертью обещал наложить заклятие и лишит дочь дара, да не сумел. Верно, силушка его ослабла, и старуха жила после его смерти в старом дедовом доме, как прежде, и вредничала по мелочи. Называя мать «старухой» Роман не кривил душой – родители позволили ему появиться на свет, лишь, когда сами приблизились к четвертому десятку. Оба они детей не любили, и Роман родился по чистому недоразумению. Мать приняла задержку месячных за проявление раннего климакса, а когда сообразила что к

чему, срок для легального детоубийства прошел. На криминальный аборт она не отважилась – себя пожалела. Колдовским заклятием могла убить и сама, но опять же не решилась. Все это, не стесняясь, Марья Севастьяновна рассказала сыну еще в детстве. В ту минуту он почувствовал такую боль, что слезы сами хлынули из глаз. Он крикнул матери что-то оскорбительное и убежал из дома на весь день. Роман всегда считал себя человеком недобрым. Но одно он знал точно: *такое* он никогда бы не посмел рассказать ребенку.

Единственным человеком, который любил Ромку так, как положено любить свое дитя-кровинушку, был дед Севастьян. Возможно, любви этой было мало, чтобы с ее помощью огранить и оградить странную душу мальчонки, но Роман был благодарен деду хотя бы за то, что старик не позволил ему сделаться похожим на родителей. Больше всего Ромка Воробьев любил ходить по весне с дедом на реку, когда она вскрывалась, и на зеленой мутной воде, покачиваясь, плыли огромные ноздреватые желтовато-серые льдины. День, когда они отправлялись на реку, непременно бывал теплым, почти по-летнему жарким, а от реки веяло студеным зимним холодом. Эта рознь двух стихий очаровывала маленького Романа. В корзинке у деда непременно лежал кусок жареного гуся и испеченные Марьей румяные кренделя в виде лошадок. Ромка с дедом останавливались на хлипком деревянном мосточке и кидали свои приношения в мутную, проносящуюся внизу воду, ублажая властителя Пустосвятовки.

– Душно водяному в реке, вот он лед и ломает, – объяснял дед весеннее буйство стихии.

В первый раз, когда водяной выплыл на поверхность, задобренный подарками, маленький Ромка испугался и спрятался за спину деда. Месяц в тот день был на ущербе, и водяной казался стариком – из воды высунулась голова с морщинистым зеленоватым лицом и седыми длинными волосами, вместо шапки увенчанными венком из куги¹

– Целого гуся не мог принести? – ворчливо спросил водяной у деда Севастьяна.

– Кольцо возрати, – попросил дед и поклонился водяному в пояс.

– Мальчонку за колечком пришли, – ухмыльнулся хозяин реки в надежде, что дед попадется на простенькую уловку. – Ромка, пойдешь ко мне в гости?

Роман еще крепче вцепился ручонками в дедово пальтецо и отрицательно замотал головой. Дед рассмеялся, а водяной рассерженно фыркнул и ушел в глубину.

С тех пор каждую весну повторялось одно и то же: дед ходил на речку задабривать хозяина Пустосвятовки, тот всплывал, и они ругались с дедом из-за кольца. Ромку так и подмывало нырнуть в воду, ухватить водяного за бороду, поколотить да отнять кольцо. Он даже один раз поднырнул под перила и уже оттолкнулся, чтобы сигануть вниз, но тут дед ухватил его за ворот куртки и остановил. Впервые Ромка видел деда разъяренным – старик топал ногами и орал, что без водного ожерелья в гости к водяному соваться нельзя. Водяной под мостом радостно хлопал в ладоши, наблюдая ссору. Но Роман ни тогда, ни потом на водяного не злился.

В детстве Ромка Воробьев был уродлив: тощий паренек с острыми плечами и выпирающими лопатками, с черными, торчащими во все стороны волосами. За эти волосы и узкие удлиненной формы глаза его дразнили «Батыем». Прозвище это Ромку бесило, едва услышав его, он лез в драку, и Варварин племянш Матвейка – в те времена свежеиспеченный родственник – к тому же здоровяк и обжора, в драке сломал Роману нос.

– Неужто больно? – хихикал Матвейка, глядя, как кровь течет на новенькую рубашку пострадавшего. – Может, сдачи хочешь дать? А?!

Зубы Роману тоже частью выбили в драках, а частью они сгнили до основания. На бледной, зеленоватого оттенка коже рдели крошечными вулканами красные прыщи.

Первая школьная красавица Оксана, за которой ухаживал Матвей – то есть при встрече каждый раз награждал тумачами – объявляла со смехом каждый день, что и за сто рублей с Ромкой Батыем не поцелуется.

¹ Безлистное болотное растение.

Девчонки и мальчишки ржали над шуткой, как табун лошадей. Одна Глаша его жалела, иногда тайком угощала карамельками. Роман решил, что когда вырастет, непременно сделается известным человеком, вернется в Пустосвятово и женится на Глаше. Но мечты его развеялись прахом одним погожим весенним днем.

Было тепло по-летнему, солнце припекало, девчонки вырядились в летние платьица. Глашка из своего прошлогоднего выросла, пышные формы так и выпирали из ситцевого сарафанчика. Над Глашкой подшучивали, она обижалась. Опять речь пошла про поцелуи, Оксана в который раз выдала коронную шутку про сто рублей.

И вдруг Глашка, добрая, хорошая Глашка, глупо хихикнула и объявила:

– А я и за двести с Ромкой не поцелуюсь...

Договорить не успела, как все заржали.

Кто-то пихнул Романа в спину, и он упал. Стал подниматься. Его вновь ударили. Едва пробовал встать, его валили вновь. Удары были не особенно сильные, так, баловство, и больно тоже было не особенно. Но от обиды Ромка выль в голос.

– Мы тебя учить будем, – пояснял Матвей. – Каждый день.

В тот день Роман познал, что значит – ненавидеть. Если бы дед уже наградил его властью над водой именно в тот день, Оксана не дожидая бы до вечера. Впрочем, и многие не дожили бы. Это был самый несчастный день в его жизни. Весь его остаток он просидел в дедовом сарае, забившись за поленницу дров, а ребята во главе с Матвеем и Оксаной носились по улицам с улюлюканьем и свистом, решив, что еще мало позабавились над уродцем. Дед отыскал внука в сарае уже за полночь. От старика пахло речной тиной и рыбой, и язык у него заплетался, будто дед успел приложиться к бутылке, хотя Ромка знал, что Севастьян спиртного в рот не берет. Глядя внука по голове, старик пообещал, что вскоре подарит Ромке водное ожерелье. «И вот тогда ты сможешь такое...» От многозначительности стариковского молчания у Ромки замерло сердце, и все нынешние беды показались ничтожными по сравнению с величием грядущего.

Но дед передал ему власть лишь через полгода, осенью, в день, когда Роману исполнилось четырнадцать. В холодных ноябрьских сумерках, когда снег сменялся дождем, а дождь опять снегом, дед привел его на речку, велел раздеться и войти в воду. Когда посиневший и дрожащий от холода мальчишка, наконец, выбрался на берег, дед надел внуку на шею ожерелье с водной нитью. Ожерелье было велико и болталось на тощей шее. По словам деда, нет больше на свете второго человека, имеющего такую же власть над водой, какой отныне обладает Роман. С тех пор утекло много воды – в смысле самом прямом, и переносном тоже.

Однако не все так просто было в колдовской жизни – в этом Ромка очень скоро мог убедиться. Спустя несколько дней, возвращаясь из школы, он увидел во дворе дедова дома человека в дорогом пальто. Высокого роста темноволосый незнакомец стоял к Роману спиной, так что лица его Ромка различить не мог. Зато дед был хорошо виден. Почему-то поздней осенью старик вышел на крыльцо в одной майке и старых тренировочных штанах. Босиком. Дед хватал незнакомца за рукав дорогого пальто и повторял одно и то же:

– Клянусь, не знаю я, как это сделать. Водой клянусь. Вода-царица солгать не даст.

Невольно оробев (стыдно ему было потом за свой страх, ох, как стыдно), Ромка нырнул за угол сарая.

– Если обманул дед, хана тебе, – пригрозил незнакомец.

Быстрым шагом прошел он мимо притаившегося Ромки. Невольно мальчишка опустил глаза и только почувствовал, как обдало его жаром, будто из печки.

Огненный колдун! Вот оно что! Вот почему такой ужас напал на колдуна водного. Так и стоял мальчишка, оторопев, неведомо сколько времени. Потом, внезапно очнувшись, кинулся к деду. Тот обнял его, прижал к себе. От Севастьяна пахло потом и страхом.

– Это Микола Медонос, – прошептал старик. – Бойся его.

Со своими обидчиками, с теми, кто считал себя лучше и выше, начинающий колдун разобрался легко и просто. Разумеется, высший дар дается не для сведения мелких счетов, но Роман сознательно позволил себе подобное нарушение колдовской этики. Он знал, что наделен огромной силой, и не боялся разменять ее по мелочам. Следующим летом, когда все Романовы дружки, а вернее – недруги, в жаркий июньский денек отправились купаться, вода в реке вспенилась, посреди Пустосвятовки закружился водоворот и принялся засасывать купальщиков в свое медленно вращающееся жерло. Роман стоял на горوشке и смотрел. Он наслаждался воплями отчаянья и бестолковым маханьем руками. Его враги тонули. Одну Глашку пожалел и отпустил еще на мелководе: знал, что плавать не умеет. Зря. Лучше бы притопил тогда малость. Глядишь, не сиганула бы потом с моста в омут, дуреха.

Радостный день! Веселый день! Он позволил реке заглотнуть обидчиков в холодную пасть, потом заставил добычу оторваться. Тела лежали на песке, как выброшенные на берег рыбины. Кто-то едва шевелился, кто-то кашлял, стонал. Здоровяк Матвей плакал как ребенок, размазывая слезы вместе с речной тиной и кровью по лицу, – от удара о корягу у него носом пошла кровь. Роман шел по берегу, трогал каждого ногой, говорил «жив» и двигался дальше. Дойдя до Матвея, он наклонился и спросил сочувственно:

– Что, носик сломан? Бедняжка! Ничего, девочкам нравятся сломанные носы.

Нельзя сказать, чтобы с тех пор его все полюбили, но что стали бояться – это точно. Поначалу пытались мстить, но вскоре оставили эту затею. Когда на дороге не просыхают лужи, а в канавах вечно плещется черная влага, вряд ли можно надеяться, что в темноте неслышно подкрадешься к человеку, который, если захочет, может утопить тебя в миске с водой.

Поначалу Роману нравилось демонстрировать свою удивительную силу. Потом надоело. Матвей и его дружки казались ему мелкими рыбешками, которые суетятся на дне наполовину высохшего пруда и воображают, что резвятся в океане. Роман знал, что его ждет именно океан, а не забытое Богом Пустосвятово.

Весной талой водой он смыл больную кожу с лица, а вместе с нею – гнойники прыщей, новая кожа получилась матово-бледной и гладкой, никто бы не признал в ней прежней жабьей, изъеденной болячками шкуры. Жесткие волосы, прежде торчащие во все стороны, он отрасстил до плеч, и, вымытые сорок раз водой из Пустосвятовки, они превратились в блестящую, как вороново крыло, черную гриву. Созданный природой курносый, переломанный нос превратился в орлиный, украшенный благородной горбинкой. Гнилые клычки зубов Роман сам вытащил обычными клещами, а потом месяц пил только родниковую воду и парное молоко, и зубы выросли вновь – все тридцать два, белые, сверкающие, ровные, как имплантаты голливудской звезды. Уверенность в собственных силах изменила осанку и расправила плечи, и ни один качок в Пустосвятовке и ее окрестностях не мог тягаться с таинственной силой молодого колдуна.

Тогда-то его стали называть сатаной и по-настоящему бояться. Разумеется, внешние данные – всего лишь не стоящие внимания мелочи, но мелочи, которые доставляют так много неприятностей, а Роман не хотел, чтобы ему досаждали даже по мелочам.

В те годы его путь еще не сделался ровной водной полосой, по которой легко скользить к намеченной цели. Дорога лежала перед Романом ухабистым каменистым отвалом, острые осколки то и дело норовили рассадить кожу. К тому же он еще не изведal границы своей удивительной власти и легкомысленно считал, что вода может на свете все, ибо он – единственный, кто до конца подчинил себе эту изменчивую прихотливую стихию, которая в принципе не подчинима.

Итак, он был легкомысленен в молодости – это надо признать. Обладая удивительной властью, он мог бы легко имитировать порок сердца или какую-нибудь другую основательную хворь, с которой ни одна медкомиссия, даже самая ручная, не признала бы его годным шагать в

строю. Дед Севастьян предупреждал, что в армию внуку лучше не соваться. Но Роман оставил слова деда без внимания и отправился служить срочную.

Дела складывались не особенно хорошо, но все же ожерелье его защищало: когда врач из медкомиссии велел снять плетенку, Роман лишь кратко ответил: «нельзя». Врач взял ножницы и, ни слова не говоря, принялся перерезать странное ожерелье на шее парня. Ножницы громко хрустнули и разломались. Принесли вторую пару, но она сломалась точно так же. Лицо врача из нежно-розового сделалось пунцовым. Он просунул пальцы под сплетенные нити и рванул изо всей силы. Оба пальца срезало, будто ножом, и врач грохнулся на пол без сознания. Все решили, что он сам порезался осколком сломанных ножниц. Поднялась суета, «скорая» прибыла только через час. Вся комнатка к тому времени была забрызгана кровью. Желающих снимать ожерелье с шеи Романа больше не нашлось.

Но дальше все пошло наперекосяк: и не то плохо, что его обрили – у Романа хватило ума не наделять свои волосы магическими свойствами. Хуже было другое: служить его отправили в Среднюю Азию. Место оказалось гиблое для колдуна в самом прямом смысле этого слова: вода здесь всегда была угнетена, и давно утратила свою живительную силу. Крошечный забытый Богом городок, где время остановилось четыреста лет назад. Тысяч десять жителей ютились в древних лачугах. Самым роскошным зданием считалась казарма в военном городке. Летом стояла жара градусов за сорок, а зимой в пятиградусный мороз холодно было, как в Арктике. Каждая царапина тут же превращалась в незаживающий нарыв. Впрочем, до зимней поры Роман не дослужил и не успел вкусить всех прелестей проживания в палатках на морозе.

Служба его закончилась быстро, но нельзя сказать, чтобы просто. Он не любил вспоминать о том времени, кроме пары случаев, весьма примечательных. Первый был прост как таянье снега в теплой комнате. Прибывших новобранцев отправили мыться в душ, и тут явился здоровяк-прапор поглядеть на дохляков да поучить их уму-разуму. Он сразу заметил странную плетеную штуковину на шее одного из салаг.

– Снять, немедленно! – рявкнул он и, не дождавшись ответа, шагнул на мокрый пол и погрузил кулак Роману в живот.

Колдун растянулся на склизком полу. Но не один – прапор грохнулся рядом, неестественно вывернув шею. Холодная мутная вода из душа барабанила по его лицу и булькала где-то в глотке. Но парень лежал неподвижно. Десяток свидетелей могли подтвердить, что он свалился совершенно самостоятельно. Пострадавшего увезли в местную больничку, где он пришел в себя только спустя несколько месяцев.

Второй случай случился в казарме, и там Роману пришлось в первый раз в своей жизни применить заклинание изгнания воды из тела. Вышло не особенно умело, но все равно впечатление произвело. Этот эпизод надолго оставил мерзкий осадок в душе. Но, все же, вспоминая о нем, Роман испытывал приятное, согревающее душу тепло победы. Во всяком случае, после той, второй стычки, никто Романа коснуться и пальцем не смел.

Для молодого колдуна служба в армии оказалась весьма непродолжительной: она закончилась в тот день, когда новобранцев отправили на стрельбище. И раньше он чувствовал, разбирая и чистя автомат, как немеют от прикосновения железа пальцы. Но когда Роман нажал на спусковой крючок, сердце совершило немыслимый кульбит в груди, и колдун потерял сознание. Поначалу лейтенант решил, что неведомо как срикошетившая пуля уложила бойца. Осмотрели тело, но раны не нашли.

– Притворяется, гад, – решил лейтенант и пнул «притворщика» в бок.

Роман не двигался. Его трясли, били по щекам. Не помогало. Зато на губах появилась белая пена, которая постепенно начала краснеть.

– Опять эпилептика прислали, недоумки, – на самом деле лейтенант выругался гораздо изощреннее.

Романа отправили в тот же госпиталь, где лежал не приходящий в сознание прапор.

– К утру помрет, – сказал врач, повозив стетоскопом по грудной клетке Романа. – Я бы его сразу в морг отправил, но там еще жарче, чем в палате, быстрее протухнет. Живого в цинк запаивать нельзя. Подождем, пока очокурится.

Так Роман очутился под опекой человеколюбивого эскулапа. О том времени он ничего не помнил – ни серых обшарпанных стен, ни невыносимой духоты, ни мух, черными тучами роящихся под потолком. Не помнил и своего соседа по палате, парнишку с ампутированной ногой, которой прыгал, как птица, на костылях и приносил Роману воду, обтирая лицо умирающего грязной тряпкой и смачивая обметанные серой коростой губы. Парень не был медиком – он помогал по велению души. И вода спасла своего повелителя; затхлая, почти утратившая силу влага не позволила ему умереть. Через неделю врач к своему удивлению обнаружил, что новобранец все еще жив. Роману стали приносить по утрам тарелку жидкой каши, а во время обходов врач на пару минут задерживался у его кровати. Сердце Романа торопилось биться, но всякий раз, запыхавшись, сбивалось и пропускало удары.

Дед Севастьян колдовским нутром почуял беду, примчался на помощь к внуку, прихватив с собой знаменитой пустосвятовской воды, сколько мог увезти в рюкзаке и сумке. Но ее хватило лишь на то, чтобы поддерживать жизнь в обессиленном теле.

Армия не торопилась расставаться со своим солдатом, но все же к зиме Романа комиссовали, и дед увез парализованного внука домой. В тот же день прапор наконец пришел в себя. Вот только... Пальцы на правой руке у него высохли, почернели и потеряли способность двигаться. Дед Севастьян говорил, что зря Роман поддался такому темному чувству как месть. Однако Роман был другого мнения – не любил он прощать и терпеть не мог тех, кто проповедует эту заповедь. Спору нет, прощение хорошая вещь, когда раскаянье жжет сердце преступника каленым железом, когда проступок хотят заглазить, вину – искупить. Но в чем мог раскаяться прапор, привыкший метелить новобранцев? О чем он мог пожалеть? Разве что о том, что ударил слабовато. И в данном случае прощение – всего лишь разновидность лени, ибо настоящая месть требует усилий. Роман в подобных случаях не ленился.

Времена были смутные. Еще не круговерть, но накануне. Деньги превращались в бумажки, магазинные полки пустовали. Дед заговаривал воду на спирт, продавал по дешевке ханурикам. Прежде никогда такого не позволял – нужда заставила оступиться. Не своя нужда – свою бы он перенес безропотно, но для внука готов был на многое. Быть может – на все. У заговоренного спирт был один недостаток – алкоголя-то в бутылках не было ни капли, а заклятие опьяняющее силу имело лишь одни сутки. Впрочем, дед ни разу не попался – спирт его ханурики выпивали весь до последней капли в тот же день. На те окаянные гроши дед с внуком и жили (вернее, выживали) целый год. Севастьян купал внука в реке каждый день. Зимой в проруби, летом – в стремнине, вымывал из тела выжженные огнем частицы. Отпаивал родниковой водой. К следующей весне Роман поправился окончательно. Только нельзя ему больше в жизни брать в руки огнестрельное оружие. Впрочем, это его не особенно печалило.

Первая заповедь деда Севастьяна гласила: не смешивай стихии, а любое огнестрельное оружие – детище огня.

Осенью, когда Роман уже встал на ноги, приехал из Темногорска Михаил Евгеньевич Чудодей, старый приятель деда Севастьяна и книжный колдун. Старики долго о чем-то шептались на кухне. И как понял Роман из обрывков разговора, Чудодей звал деда Севастьяна в Темногорск, но тот наотрез отказался ехать.

– Все повелители стихий войдут в Синклит, – говорил Чудодей. – Ты понимаешь, что это значит?

– И Микола Медонос приедет? – свистящим шепотом спросил старик.

– Боишься его? – спросил Чудодей.

– Глупо не бояться.

– Нет, Миколы не будет, – пообещал Чудодей.

Роману почудилось, что старик вздохнул с облегчением.

– Мы уже однажды собирались все вместе, – внезапно севшим голосом отвечал дед Севастьян. – А что из этого вышло?

– Пока ничего, – вздохнул Чудодей. – То есть, почти ничего путного.

– Поздно мне, понимаешь, поздно! – в отчаянии выкрикнул Севастьян. – Смыло все давно. Унесло. И силы уж не те, – стонал Севастьян. – Не могу. Без меня все эти дела делайте. Не полезу я в водоворот.

– Ты – единственный водный колдун, – вздыхал Чудодей.

– Отчего же – единственный? Вон, Маруся моя по водной части тоже балуется. И Ромке я ожерелье подарил.

– Молод он еще, – с сомнением покачал головой Чудодей.

– Состарится, – пообещал Севастьян.

– Ну что ж, пусть приезжает, посмотрим, на что способен.

И Роман уехал из Пустосвятово. Перед отъездом дед расплакался и подарил внуку четыре тарелки кузнецовского фарфора из старинного сервиза. Все, какие имел.

В Темногорске Роману понравилось. Приняли его с распростертыми объятиями. На миг поверилось даже, что колдовской Синклит – это тайное братство, и вот-вот начнут твориться вокруг дела невиданные и невероятные. Все друг с другом перешептывались и чего-то ждали. Воздух вибрировал, земля колебалась, вода нашептывала безумные байки, сами собой загорались огни на пустыре – там, где когда-то падала тень Темно горы.

Как раз грянула эпоха свободы, колдовство любого сорта вошло в моду. Только вдруг с Синклитом произошла удивительная метаморфоза. Синклит распался. Ожидание необыкновенного кончилось как-то разом, Трищак укатил в Москву, знаменитого земляного колдуна Оберега убили – какой-то пьяный зарубил его топором. Микола Медонос так и не появился. Вернее, одни говорили, что приезжал он ненадолго в Темногорск и даже купил какой-то сарай с большим участком земли, другие утверждали, что огненного колдуна никто в Темногорске не видел. Оставшиеся принялись яростно шинковать капусту – то есть грести зеленые. Темногорск наводнили толпы шарлатанов, и подлинные колдуны в этой толпе попросту потерялись. Вдруг стало не разобрать, у кого есть дар, а кто обделен. Жулики пользовались большим успехом. Чудодей все еще чего-то ждал. Каких-то важных событий, чьего-то прибытия. Роман пару раз пытался вызнать, в чем же замысел Чудодея, зачем старался тот собрать в неприметном городке всех самых сильных повелителей стихий. Но ответа не получил. То ли не хотел Чудодей посвящать молодого колдуна в свои планы, то ли не знал, что ответить.

Тогда Роман занялся тем же, чем и остальные. То есть – добыванием денег.

Далеко за пределами Темногорска разнеслась весть об удивительном чарошее, который видит на дне тарелки все, что ни пожелает. Может человека отыскать, может вещь найти, скажет, мертв уже сыночек-кровинушка, или до сих пор жив-здоров. Одной женщине пропавшего мужа в Америке отыскал. Отца другой обнаружил в Москве на солидной должности. Родителям безутешным указал, что сын их в больнице без памяти под чужим именем мается. Деньги буквально потекли Роману в руки. Легковерие – источник неоскудевающий, из которого может черпать любой мало-мальски ловкий шарлатан. Но господин Вернон не лукавил. Сквозь налитую в тарелку воду видел он истинные образы. Роман ничего ни от кого не скрывал. Ему было все равно, кто перед ним – правый или виноватый и зачем пришел – колдун был ко всем существам одинаково равнодушен. Нежен он был лишь с Водой-царицей. Ее никогда не обижал, ни мыслью, ни словом. Каждое лето, когда вода в реке спадала, нанимал он мужиков очищать берега Пустосвятовки от мусора. Занятие это окрестные жители считали делом пустым. Пройдет неделя-другая, и вновь накидают жители в реку пустые бутылки да дырявые башмаки, консервные банки да прочую гадость. А многие и до реки не донесут – в канаву мешок с мусором кинут.

Одного в своей практике избегал Роман – исцелять. Знал – стоит ненароком помочь кому-нибудь, так от увечных и недужных не будет отбоя. Они возьмут благодетеля в кольцо осады, будут вымаливать и выпрашивать, выщеживать по капле из его души силу, пока не иссушат источник до дна. Однако дважды свои же собственные запреты он нарушил. Первый раз, когда к нему мать принесла трехлетнего мальчонку – искореженный озлившей природой комок плоти, обреченный на мучительную жизнь и долголетнее умирание. Роман, взяв с матери клятву молчать и деньги вперед, отвез ребенка в Пустосвятово. Три дня купал в сорокаградусный мороз в проруби, и вытравил-таки хворь из тела, вернул матери крошечного совершенно здорового мальчонку, ну разве что роста для его трех лет маловатого. Мать обливалась радостными слезами, целовала Роману руки и тут же растрезвонила по всей округе об удивительном исцелении сыночка. Что тут началось! Все будто с ума посходили: пишущая братия осаждала дом Романа с утра до вечера, больные шли косяками. Никогда господин Вернон предположить не мог, что вокруг столько людей, обреченных природой и случаем на вечное истязание уродством. С болтливой мамашей он посчитался по-своему: отсушил ей язык, и та онемела до скончания дней. Когда глупая женщина замолчала, он отрекся от своего доброго дела и заявил, что ребенок вовсе не недужил, а дуреха сама в погоне за славой сочинила историю с исцелением. Потихоньку калеки разбрелись по домам, господина Вернона, как в прежние дни, стали посещать покинутые жены и безутешные матери, разыскивающие пропавших детей. Он искал их старательно, но без азарта – постепенно его стали интересовать только деньги. Но за все годы, что он практиковал, не было такого случая, чтобы он ошибся. Правда, порой вода не отвечала на вопросы, и водное зеркало лишь рябило и ничего не показывало. Но это означало, что посетитель задавал воде *не свой* вопрос.

Второй раз нарушил он свое же неписаное правило недавно, когда этой весной привезли к нему попавшую в автомобильную катастрофу девчонку лет шестнадцати. Бессильная медицина приговорила ее к вечной неподвижности. Родители продали квартиру, переселились в какой-то сарай, полученные баксы истратили на лечение, но все без толку. Разочаровавшись в научных методиках, обезумевшие от горя кинулись они к колдунам. Аглае Всевидящей заплатили, Гавриилу Черному – еще больше, и под конец явились к Роману, хотя никогда он не афишировал себя как целителя. Остатки от квартирных денег, завернутые в обертку от шоколадки принесли они колдуну. И опять что-то дрогнуло в душе Романа, когда он глянул на хорошенькое юное личико прикованной к постели девчонки. Вернее, посмотрел он в глаза девушки, и в них были только боль и злость. Вновь он позволил себе поехать в Пустосвятово, опять купал в реке изувеченное тело, и опять вдохнул в умирающую плоть жизнь.

В этот раз он не поверил никому на слово, денег не взял – рука не поднялась брать у этих несчастных последнее, только стер из памяти и родителей, и девчонки поразительную историю исцеления.

Лежа в постели и вспоминая, Роман думал о своем прошлом, как думают о завершённом деле, подводя исполненному итог. Он точно знал теперь, что все прежнее было только прелюдией, началом, и главные события наступают сейчас.

Дверь приоткрылась, и в Романову комнатушку заглянула Варвара.

– За жратвой в магаз беги, – велела она. – Я на свою пенсию кормить тебя и твою ораву не намерена.

– Не волнуйтесь, будет пища обильная и нездоровая, жирная да соленая, – пообещал Роман, потягиваясь. – Набьете желудки так, что обратно полезет. На рыбку солененькую вас не тянет?

– Вот паразит, – огрызнулась Варвара, – вечно гадость какую-нибудь сказанет. Чтоб у тебя язык отсох.

– Зря вы это, Варвара Алексеевна, пожелали, – вздохнул Роман, садясь на постели. – Вы прекрасно знаете, что от ваших слов язык у меня никак отсохнуть не может, а вот у вас, – он сделал ударение на этом «вас», – очень даже может, стоит мне коснуться пальцем вашей кожи и мысленно произнести пожелание. Зачем же вы меня искушаете? Вдруг я не остерегусь, и произнесу, а?

Роман медленно вытянул вперед руку, будто в самом деле вознамерился коснуться пальцами мачехи. Варвара в ужасе отскочила к двери.

– И вот благодарность за все! – запричитала мачеха. – Сколько лет я тебя растила и холила.

– Меня дед Севастьян растил. Пусть Земля-матушка ему будет пухом, а Вода-царица – утешением.

– Ты колдуна не поминай! Ему в аду гореть! А ты этой комнате полгода жил, когда Севастьян уезжал. Или забыл?

– Ну что вы, Варвара Алексеевна, как можно такое забыть? Вы же меня каждым куском хлеба по десять раз в день попрекали. Может, мне все же отсушить вам язык? – проговорил Роман задумчиво.

Варвара вновь взвизгнула и пулей вылетела из комнатушки.

– Урод, как есть урод, – причитала она, прячась на кухне. – Из-за, тебя, окаянного, нас и грабят все время. Потому как деньги твои нечистые. Как есть нечистые!

– Варвара Алексеевна, а откуда, позвольте узнать, берутся чистые деньги? Ах, это, наверное, те, что только что из-под печатного станка, и краской пахнут?

Несмотря на то, что говорящих отделяли две перегородки, они прекрасно друг друга слышали.

– Может быть, и продуктов из магазина не носить? – рассуждал Роман. – Они тоже нечистыми сделаются.

На такую жертву Варвара пойти не могла. От дарового она никогда не отказывалась – хотя бы сам бес презент ей предложил. Сказать по секрету – держала она в доме святую воду и на принесенные Романом вещи непременно брызгала.

– Продукты в магазинах у нас нормальные, никто нынче не травился, – уверенно отвечала Варвара с кухни. – Ты на всякий случай мальчика возьми с собой – пусть колбасу и хлеб в сумку кладет – чтобы от рук твоих поганых не попортились.

– Поганые? – Роман оглядел с недоумением свои холеные пальцы. – То бишь сельские, если точно припомнить смысл этого слова. Ну да, я родился в Пустосвятово. А это – поселок. От действительности никуда не уйдешь, увы мне, увы. Так вы, Варвара Алексеевна, разве не в деревне родились?

С Варварой Роман враждовал давно. Однако не стоило ее сегодня так злить – это Роман чувствовал, но не мог отказать себе в удовольствии немножко поизмываться над мачехой. Весь последний год его окружали любящие женщины: Марфа в нем души не чаяла. Тина боготворила. Наверное, он просто отвык от неприкрытой злобы, разъедающей душу, как кислота.

Колдун вышел на двор, умылся колодезной водой – хороша водичка в Пустосвятово, нигде такой не сыскать. Коли знать к ней подход, так любую болезнь смоем, от любой беды остережет. Предприятий крупных поблизости не было, две кустарные фабрички давно закрылись, а колхозик местный смиренно загибался на прорастающих сорняками полях, и прозрачные воды Пустосвятовки не травил более ни гербицидами, ни дерьмом свинарника. Поселиться бы здесь на берегу, обо всем позабыть и...

И что?

Прежде чем идти в магазин, Роман поднялся наверх, в чердачную комнатку, где ночевали гости. Здесь было довольно прохладно: печной стояк, обогревающий комнату, к утру совершенно остыл.

– Ну, как он? – спросил колдун у мальчишки и кивнул в сторону пленника.

– Стонал под утро и какого-то Гамаюна то ли звал, то ли проклинал, – отвечал тот. – Может, это тот самый, о котором отец говорил?

«Тот самый, какой же еще», – мысленно поддакнул Роман. Значит, Алексей приходит в себя. Будем надеяться, что мы с тобой поладим, приятель, иначе худо придется обоим.

– Иди-ка, Юл, на улицу, умойся – там у колодца рукомойник к сосне прибит, – предложил Роман мальчишке.

– Не пойду, – огрызнулся Юл. – Вода поутру ледяная.

– Разумеется, ледяная, тут тебе не город, – усмехнулся колдун. – Только ты воде скажи: стань теплой. И она мигом станет.

– Вранье! – выкрикнул Юл.

– Проверь.

Юл нахмурился, обдумывая сказанное, потом кинулся вниз.

– Не обожгись! – крикнул вдогонку Роман.

Теперь, когда они остались наедине с Алексеем, можно и поговорить. Колдун надеялся, что поутру пленник будет сговорчивее. Парень мирно посапывал в спальнике, но только на первый взгляд это беспамятство походило на обычный сон. Лицо его было по-прежнему белым, как в ту минуту, когда Роман вытащил неподвижное тело из воды, а сквозь неплотно сомкнутые веки проглядывали белки. Колдун замотал свою шею шарфом так, чтобы нельзя было заметить его волшебную плетенку. После этого Роман положил на ожерелье пленника ладонь; парень вздрогнул и очнулся.

– Не волнуйся, ты еще не в раю, – предупредил Роман, видя, что Алексей в недоумении оглядывает скошенные стены чердачной каморки.

– Кто тебя послал? – спросил пленник хмуро. – Колодин?

«Колодин? Это еще кто? Ладно, выясним».

– Я сам себя прислал, как всегда, – отвечал Роман надменно. – И, пожалуйста, сделай так, чтобы я не начал раскаиваться.

– Денег у меня нет, – предупредил Алексей.

– Ага, значит, были еще и деньги. Как интересно! – усмехнулся господин Вернон. – Но только не мне.

Алексей понял, что сболтнул лишнее. Он попытался встать, но колдун предостерегающе коснулся пальцами его груди, и пленник вновь повалился на постель.

– Давай договоримся, раз и навсегда, – предложил Роман. – Ты не пытаешься бежать, я не применяю к тебе свою силу. Идет?

– Иди к черту! – Алексей неожиданно вспылил и сделал бесполезную попытку вырваться – но куда там было ему тягаться с дьявольской силой господина Вернона. Муха, точнехонько муха в сетях паука. Роман едва сдержался, чтобы не рассмеяться, наблюдая беспомощное барахтанье пленника. А ведь физически парень силен. Очень силен. Худоцав. Жилист. Мускулы – сталь.

– Тебе говорили, что сдержанность – великая добродетель? – поинтересовался господин Вернон.

Пленник почти сразу обессилел, прикрыл глаза, на лбу заблестели бисеринки пота. Ему и невдомек было, что слабость его вызвало прикосновение колдуна к плетеному ожерелью. Но если силы его и иссякли, то ярость отнюдь не убавилась.

– Это ты там, на озере... ночью? – спросил Алексей. – Ты меня вытащил из дома?

– А, признал, наконец! – воскликнул Роман торжествующе. – Надеюсь, неблагодарность не входил в число твоих пороков.

– Да кто ты, черт возьми!

– Темногорский колдун Роман Вернон. Слышал обо мне?

– Что нужно? – процедил Алексей сквозь зубы.

– Безделицу. Познакомиться с тем господином, что ошейник на тебя напялил.

Роман вновь коснулся пальцами ожерелья на шее Алексея. Тот передернулся от физической боли.

«Это походит на пытку», – подумал Роман и отдернул руку.

– Не могу, – выдавил Алексей.

– Почему?

– Не от меня зависит.

– Испроси у патрона разрешения. Ты-то сам и твои деньги меня несколько не интересуют.

– Исключено. Я не знаю, где он. И не собираюсь его искать.

Врет? Или нет? Роман несколько секунд смотрел в лицо Алексею. Этот человек начинал его занимать прежде всего своей неподатливостью. Причем это была отнюдь не та внешняя скорлупа, которой стремятся обзавестись столь многие. Непроницаемая для сочувствия или логики, такая броня пробивалась одним сильным ударом воли. Здесь же тверда была не скорлупа, а сердцевина, и эта твердость невольно восхищала Романа.

– Врешь ты всё, как это ни печально. Неужели надеешься меня обмануть?

Алексей отвернулся – колдун позволил ему такую малость.

– Мое право – не отвечать на дурацкие вопросы.

– Похвально! – воскликнул Роман. – Можно только приветствовать подобную строптивость! Она вполне сойдет за добродетель, если прежде не превратится в глупость. Ну что ж, поступим иначе: расскажи своему боссу обо мне. Здесь ты не связан клятвами? А то придется напомнить, кто спас тебе жизнь.

Алексей молчал. Так долго, что Роман подумал, не решил ли парень прибегнуть к давешней формуле умолчания с помощью водного ожерелья. Впрочем, колдун зря волновался – пленник не мог пошевелить даже пальцем без его ведома. Наконец Алексей соизволил ответить:

– Не лезь в это дело. Свернешь шею.

– Неужели ты за меня переживаешь?

– Эд говорил, что похороны – это ловушка, – сказал пленник, но кто такой Эд, и почему его стоило послушаться, объяснять не стал.

Однако при этом он открыл колдуну куда больше, чем рассчитывал. Одна эта фраза превратила прежние подозрения в отгадку.

– Ловушка, – повторил Роман. – Они убили Александра Стеновского, чтобы поймать тебя? Что-то вроде звонка по телефону: алло, приезжайте, мы вас ждем.

При этих словах Алексей передернулся.

– Не смешно.

– Да, если учесть, что Стеновский – твой отец, – подсказал колдун.

– Откуда...

– Проще простого. Вряд ли кого-нибудь, кроме сына, захотят вызвать столь жестоким и безотказным способом. Надо полагать, ставки в игре, где используется экстренная связь такого сорта, очень высоки.

Алексей молчал. Убедившись в поразительной догадливости собеседника, он больше не желал неосторожным словом выдать что-нибудь еще из запретного.

«Ну что ж, молчи, приятель, – улыбнулся про себя Роман. – Ты забыл, что у нас имеется еще твой маленький братец. А он, в отличие от тебя, охотно выбалтывает секреты».

– Кстати, о братце, – как бы между прочим вспомнил колдун. – Он тебя за родню не признает.

– Послушай, не трогай мальчишку.

– Да не бойся ты. Парень славный. Давно вы с ним не виделись?

– Изрядно.

– А с отцом?

– Отец считал, что я умер много лет назад. Удовлетворен? – огрызнулся Алексей.

– Вполне.

Роман вновь коснулся ожерелья, возвращая Алексею способность двигаться. Тот не замедлил воспользоваться полученной свободой и первым делом схватил Романа за грудки. Опять колдун подивился силе этого типа – ярость удваивала цепкость его рук.

– Кто тебе позволил издеваться над людьми?!

– Отхлынь... – прохрипел Роман, и этим коротким словом отшвырнул Алексея к стене. – Почему ты не веришь в мои добрые намерения? – Он одернул куртку. – Я ради твоего спасения убил троих и одного покалечил. Хочу заметить, что это не самое приятное занятие на свете. Особенно, если учесть, что убиваю я голыми руками. Извини, что напоминаю о собственных заслугах.

Признание колдуна произвело гораздо больший эффект, нежели демонстрация силы.

– Ты убил троих колодинцев? – выдохнул Алексей, пораженный.

– Пришлось.

– Зачем ты влез в это дело? – В голосе пленника звучал уже не упрек, а сочувствие.

Роман театральным жестом размотал шарф и тронул свое ожерелье.

– Из-за этой плетенки. Неужели не ясно?

Алексей тихо ахнул:

– Ты тоже уцелел? Кто еще с тобой? Или ты один?

Колдун весь напрягся, ожидая дальнейших слов. Но Алексей отрицательно покачал головой и проговорил разочарованно:

– Нет, ты другой. Ты не из наших.

– Второго сорта, что ли? – усмехнулся Роман, досадуя, что упустил возможность разжиться хотя бы маленьким кусочком тайны. – Кстати, почему ты не пользуешься ожерельем для изгнания воды? Не умеешь? Ты бы мог этих ребят вырубить, как только они до тебя коснулись.

Алексей ничего не ответил и демонстративно повернулся к своему спасителю спиной.

– Я уже говорил: лучше не лезь в это дело.

– Извини, но я твоему совету не последую, – усмехнулся колдун. – И потом, что-то мне подсказывает, обратной дороги уже нет.

– Роман, поклянись, что Юлу ничего не угрожает.

– Я не опасен. Ни для тебя. Ни для него. Но эти ребята, что тебя пытали, они легко могут узнать, что Юл – твой брат, – напомнил Роман.

– О, Господи! – только и выдавил пленник.

Пожалуй, надо оставить парня в покое. Он только что потерял отца, полдня ублюдки над ним измывались. Упрямы заслуживают снисхождения. Роман и сам был из их числа.

– Не вздумай убежать. Я – твоя единственная защита, – предупредил колдун.

«Мы могли бы сделаться друзьями, – думал он, спускаясь по лестнице. – Могли бы...»

Роман вышел и остановился на крыльце, вдыхая влажный осенний воздух. Разговор с Алексеем его встревожил. Дело в самом деле было очень опасное – не надо быть колдуном и повелевать стихиями, чтобы это понять.

Тем временем Варвара у ворот разговаривала с каким-то широкоплечим мужичком в ватнике и драной собачьей шапке. Роман не сразу признал в стоящем у забора типе Варвариного племяша Матвея, с которым, сколько Роман себя помнил, они враждовали. Сейчас, приметив колдуна, Матвей пониже надвинул шапку и что-то шепнул тетке. Та оглянулась. Племяш надвинул шапку на брови и торопливо зашагал прочь, бормоча невнятное. С некоторых пор понять его можно было с большим трудом.

Варвара заспешила к крыльцу.

– А, Ромочка, – Голос мачехи сделался чисто мед. Это могло означать только одно – готовится очередная пакость. – Как я рада тебя видеть! Я и Васеньке каждый день говорю: что-то Ромочка нас совсем забыл, в гости не едет. Дорогуша, наконец-то! – она обняла колдуна и чмокнула в щеку.

– Что это с вами, Варвара Алексеевна! Я же вчера приехал, – напомнил Роман. – Мы утром с вами говорили. Полчаса назад.

– Так я в расстройстве была – соседка моя, Клава-хоромоножка новую машину купила. Я вся исплакалась, как услышала – надо же, всяким подлецам везет, а честные люди в нищете пропадают! Но сегодня поутру говорю себе: как же я Ромочку плохо встретила! Он же у нас с Васенькой единственный, надежда наша и опора. Ты уж не принимай мои слова близко к сердцу. Я не со зла всё говорю – а так просто, попадаются слова на язык и слетают сами. Ты же не обижаешься?

– Варвара Алексеевна, я прекрасно понимаю, что ни одному вашему слову верить нельзя, – проговорил ей в тон Роман.

Варвара кисло улыбнулась, проглотив насмешку. Это тревожило. Если Варвара ругалась – это было полбеды. Беда – если она становилась ласковой.

– Эй, Юл, – позвал Роман мальчишку, сидевшего на поленнице дров, – ну как вода, теплая оказалась?

– Пока я в рукомойник воду не доливал, была теплая, а потом, когда плеснул из ведра, она уже ледяная. Ведь это ты заклятие наложил, мое слово на воду не действует.

– Неужто?

Юл вспомнил, как прыгал в парке и закусил губу.

– Не всегда, – уточнил неохотно. – Там в ведре...

– Что в ведре? – спросил Роман рассеянно, провожая Варвару взглядом.

– Там небо не отражается.

Роман подошел. В самом деле. Небо в ведре не отражалось. Виделось что-то другое. Вроде как угадывались – домики, деревья, и что-то похожее на церквушку, но опять же смутно и расплывчато. Церковь? Та самая? Он видел ее однажды – призраком на воде озера Светлояр. Мелькнула и пропала. Неужели мальчишка тоже ее видит? Роман нахмурился. Выход был один... Только как уговорить парня?

– Нам пожрать дадут или голодом морить будут? – возмутился Юл.

– Пока в магазин не сходим – не дадут.

– Как жестоко! Тогда пошли, шопингом займемся!

– А я думал – ты убийцу хочешь найти, – проговорил Роман, глядя куда-то вдаль, поверх черных яблонь в затянутое тучами небо.

– Что? Здесь? У тебя в доме? – Юл огляделся. – Слушай, хватит фокусов.

– Это видение... не просто так. С тобой вода говорить хочет. Но ты ее не слышишь.

«Спроси – почему», – мысленно приказал Роман.

– Почему?

– Потому что у тебя ожерелья нет. Видел, как я воде вопросы задаю? И ты так сможешь. Стихия ответит. – Роман коснулся воды в ведре, странное видение пропало.

Парнишка проглотил наживку.

- И даже скажет – кто убийца?
- Конечно.
- А тебе не скажет? – не поверил Юл.
- Это не мой вопрос. – Ты можешь дать мне ожерелье?
- Может быть... – Роман изобразил раздумье. – Это трудно. Но я смогу.
- Когда? Сегодня?
- Можно и сегодня. Пожалуй.
- Прямо сейчас?
- Конечно.
- Тогда делай! – закричал Юл.

Роман отыскал в аптечке машины скальпель, ножницы, пинцет, пакет марли – все, что необходимо для создания водного ожерелья.

Достал из колодца ведро свежей воды, сбросил куртку и закатал до плеча рукав рубашки. Прежде, чем начать, он несколько минут сидел на сосновом чурбаке неподвижно, затем отхлебнул студеной колодезной воды из ведра. И лишь после этого приступил к задуманному. Скальпелем сделал аккуратный надрез в два или три миллиметра глубиной. Начал у локтя и довел линию до самой кисти. Кровь показалась на дне ранки, но наружу не выступила. Несколько минут Роман ждал, чтобы кровь на дне пореза свернулась.

– Это еще зачем? – при виде крови мальчишка брезгливо сморщился. Роман сделал предостерегающий жест: ненужные слова могли испортить дело. Когда кровь свернулась, Роман зачерпнул пригоршню воды из ведра и уронил несколько капель в ранку так, чтобы жидкость слегка выступала над поверхностью кожи наружу, но ни в коем случае не пролилась.

– Это простая вода? – опять не удержался от вопроса Юл.

Но простой эта вода казалась лишь в первую минуту, затем она сделалась непрозрачной и засверкала серебром, образовав живую нить. Пинцетом Роман аккуратно извлек серебряную змейку из раны. Она переливалась и сверкала и не собиралась ронять капли. Юл даже протер глаза, – таким невероятным казалось увиденное.

– Теперь нам нужны волосы. Возьми-ка ножницы и срежь у меня несколько прядей, – приказал Роман.

– Слушай, давай не будем, а! – испугался вдруг Юл. – Я передумал. Не хочу.

– Если бросить водную нить на землю, не сплетя ожерелья, нам обоим крышка.

Юл повинился без всякой охоты. Пока он срезал с Романовой головы пряди, тот незаметно поднес нить к губам и тронул серебристую поверхность языком. Внутри не отвердевшей субстанции оказалась частичка его слюны. Теперь ожерелье мальчишки связано с ожерельем Романа навсегда. Ожерелья будут слышать друг друга не за сотни метров, как обычные колдовские обереги, а за десятки, за сотни километров. Зачем ему это? Он и сам не знал. Просто хотел быть связанным с Юлом. В ученики брал, что ли? Кто знает. У него еще не было учеников, кроме Тины. Да и та мало чему научилась. Не считая постельных экзерсисов, конечно.

Мальчишка ничего не поймет – нить станет чуть более мутной – только и всего. Власти это никакой не даст. Хотя как посмотреть... Возможность чувствовать другого, слышать на расстоянии – тоже власть.

Колдун протянул пинцет с нитью Юлу, а сам разобрал пряди волос на косицы и принялся вплетать серебряный волос меж волос человеческих. Когда плетенье было закончено, Юл с удивлением заметил, что каждая косица в ожерелье приобрела свой цвет – от темно-красного до бледно-голубого. Роман надел ожерелье на шею Юлу, и водная нить замкнулась сама собой.

– По-моему, оно мне велико, – заметил Юл, просовывая пальцы под плетенку.

– Ты же вырастешь. У тебя взрослого шея будет толще, чем теперь. Только не вздумай нажрать выю на манер нового русского. Ожерелье задушит. Нить можно растянуть, но немного. Это всегда надо учитывать.

– Вырасту? – переспросил парнишка, робея. – Я что же, долго буду его носить?

– Всю жизнь, – ответил Роман.

– Что?! – Юл задохнулся: опять этот тип устроил ему ловушку. – Выпусти меня немедленно! – завопил он, сжимая кулаки. – Я не хочу таскать ошейник всю жизнь!

– Разве оно тебе мешает? Чего ты орешь?! Я даровал тебе возможности, о которых ты даже не подозреваешь.

Юл схватился за шею и хотел сдернуть сплетенное ожерелье, но не тут-то было! Водную нить никому не под силу разорвать.

– Сними его немедленно! – кричал, вновь и вновь дергая за ожерелье.

– Не в моих силах. Снять ожерелье невозможно.

«Почти», – уточнил про себя колдун. Роман смотрел на мальчишку, как на глупого кролика, который ненароком угодил в капкан и теперь пытается вырваться. Кролика, конечно, жаль, но кролики на то и созданы, чтобы попадаться в капканы.

– Подлец! Сволочь! – Юл чуть не плакал. – Если сейчас же не снимешь ожерелье, то я... – он осекся, не зная, чем пригрозить.

Но тут дверь распахнулась, и на крыльцо вышел Алексей.

– Чего вы так орете? – спросил он, подозрительно оглядывая колдуна и мальчишку.

Сейчас вид у него был не такой ухоженный, как в тот день, когда водное зеркало показало его стоящим возле светлой машины в нарядном летнем плаще. Сегодня это был обычный тридцатилетний парень с разбитой нижней губой, со щеками, покрытыми щетиной, со спутанными волосами. Ну, правда, не совсем обычный. Вряд ли Роман в своей жизни встречал еще человека, чьи переживания создавали столь сильный эмоциональный фон. И это при том, что перед ним был рационалист. Да, занятное сочетание. Все равно, что верующий атеист. Роман не удержался и фыркнул.

– Он надел мне на шею ошейник. Пусть снимет! – обратился Юл к Алексею, еще не зная, что перед ним его старший брат.

Тот посмотрел на водное ожерелье, что болталось на тонкой шее Юла. От безуспешных попыток освободиться на коже мальчика образовалась красная полоса.

– Что? Зачем ему ожерелье? – Алексей повернулся он к Роману. – Ты хоть соображаешь, что сделал?

– Подарил ожерелье. Мелкий сам просил, – не моргнув, отвечал колдун.

– Ну и что?! Сначала попросил, да. А потом передумал, – Юл запнулся и замолк. – Я же сказал, что не хочу!

– Давайте уточним детали, – перебил колдун. – Во-первых, парень не протестовал, пока я не создал водную нить. А во-вторых, как можно спрашивать у младенца, согласен ли тот появиться на свет или нет?

– Не играй словами! – в голосе Алексея послышалась угроза.

– Ни в коем случае. Слова я уважаю почти так же, как и воду. У них слишком много общего. Но парень в каком-то смысле младенец, как и любой непосвященный, не ведающий тайну водной нити. Кстати, тот, кто надел тебе на шею ожерелье, просил сказать «да» или «нет»?

Алексей хотел ответить, но промолчал – и колдун понял, что ненароком своего пленника уязвил.

– А ведь правда, у него тоже есть ожерелье! – Юл оставил попытки сорвать плетенку с шеи.

– Я надел его вполне сознательно, – заявил Алексей.

– Особенно, если учесть, что ты не умеешь им пользоваться, – съязвил Роман.

– Оно не срослось со мной!

– Как раз это не имеет значения. Силу оно дает даже в этом случае. Разумеется, эффект будет слабее, но... – колдун многозначительно замолчал.

– Что ты имеешь в виду? – Алексей откинул голову назад и глянул на колдуна так, будто тот смертельно его обидел. – Я знаю заклинания. Но ожерелье не отзывается.

Колдун постарался скрыть, что удивлен последним признанием. Если ожерелье создано, оно должно работать, как человек, родившись, должен жить. Странно, очень странно – это все, что пока мог сказать колдун.

– Оставь мальчишку в покое! – повысил голос Алексей.

Господин Вернон лишь улыбнулся. Оставить? Да ни за что! Роман всю жизнь считал, что он – последний водный колдун. Как последний из могикан. И тут вдруг слышит это таинственное «наши». О, Вода-царица! Их же много. Неведомо где. Но у них – свой круг. Что-то вроде спасательного круга, наверное. А Роман – вовне. Не допущен – так, что ли? Ладно, поглядим, кто сильнее.

– Мне что же, так и жить с этой штукой?! – крикнул Юл, видя, что взрослые перестали интересоваться его персоной.

– Она тебе понравится, – засмеялся Роман и похлопал Юла по плечу. – К тому же ожерелье поможет тебе найти убийцу, как я обещал.

Этот довод перевесил все остальные, и Юл смирился. Зато возмутился Алексей.

– Ты хоть понимаешь, что делаешь? Втягиваешь мальчишку в смертельную игру!

– Помогаю ему, раз ты не хочешь. Или не можешь. Мы уже все вляпались по самое не могу, терять нам нечего.

– Какое у тебя право?

– Никакого. Но разве это имеет значение? – Наглость колдуна ошеломила Алексея, и он в растерянности замолчал.

Варвара вновь возникла на крыльце. Прежней любезности – как ни бывало.

– Когда уедете? – спросила напрямик.

– Завтра утром, – пообещал Роман.

– Господи, как я от вас устала, – вздохнула Варвара. – Просто с ног сбилась. В магазин ты так и не сходил! В доме жрать нечего!

– Уже бегу! – крикнул колдун и достал из багажника машины огромную сумку.

– Верни мальчишку в Темногорск, – продолжал настаивать Алексей.

– А ты куда отправишься?

– Это тебя не касается.

– Ладно, мы в магазин. Если не хочешь с нами, можешь поспать на чердаке. Отец печку затопил, там сейчас тепло станет. Я в детстве любил на чердаке спать. Если дождь идет, слышно, как по крыше барабанит. В туалет только бегать неудобно. Так что много воды не пей.

– Сволочь!

Колдун решил, что опровергать подобное утверждение бессмысленно. Ему не терпелось проверить ожерелье. А старший из братьев Стеновских никуда не денется: из Пустосвятого ему против воли колдуна ни уйти, ни уехать. Только что с ним делать дальше? Можно, конечно, прибегнуть к крайним мерам и заставить Стеновского говорить. Но такого гордеца как Алексей подобный фокус оскорбит до глубины души – не надо быть колдуном, чтобы это почувствовать.

– Никуда я не пойду! – заявил Юл. – Отвяжитесь от меня.

– Значит, магаз и колбаса отменяются?

– Сами идите.

– А на реку? Ожерелье испробовать?

Юл нахмурился, глянул на колдуна исподлобья, хотел отказаться. Искушение, однако, было сильнее. Вырвал из рук искусителя сумку, сказал:

– Пошли!

И первым побежал со двора. Роман двинулся следом налегке. Утренний разговор с Алексеем весьма его занимал. Что нужно убийцам Стеновского-старшего от его сына? Ищут дорожку к Гамаюнову? Получается, что так. И еще выходило: этот таинственный Гамаюнов пребывает в большой опасности. Но кто ему угрожает? Зачем он понадобился труженикам Макарова и АКМа? Неужто убийцы да воры не до конца все свои таланты раскрыли, жаждут ожерелий колдовских, чтобы души обнажить до дна? Смешно, право... Тогда зачем?

Вопросов слишком много даже для такого великого отгадчика, как Роман. Этот неприятный факт приходилось признать.

Первым, кого увидел магазине колдун, был Матвей. Тот стоял, облокотившись на прилавок, скаля в улыбке гнилые зубы, мял в кулаке грязную шапчонку.

– Опять, приперся, гнида? – зашепелявил Матвей. – Грохнуть тебя надо. Глашку утопил. Она тебя бортанула, урода, а ты ее в воду – швырк. Мразь ты, сука злобная.

Роман не ответил, повернулся к «племяшу» спиной.

– Людей гнобишь, – шипел Матвей в спину. – Но погоди лыбиться! Не ча лыбиться. Тебя, падла, придавят. – И сунув что-то за пазуху, Матвей потрусил из магазина.

Роман, в самом деле, улыбался, слушая обвинения Матвея. Нелепая ложь. Не было у них ничего с Глашкой. Она, правда, обещалась Романа из армии ждать. Но когда дед привез Ромку в Пустосвятово парализованным калекой, два дня и две ночи проплакала, а на третье утро прибежала, бухнулась на колени возле кровати и взмолилась: «Отпусти!»! Он лишь повел глазами, давая понять: может идти, никто ее не держит. Через месяц Глашка за другого замуж выскочила. Ну да, через месяц. Но Роман зла на нее не держал. Себе она сделала большее – не ему. Утопилась она, правда, в тот день, когда Роман в Пустосвятово приезжал. Они виделись мельком. Глашка спросила: «Можешь мерзавца вернуть?» Колдун ответил: «Нет». Тогда Глашка и сигналу в воду.

Исходящая от Матвея ненависть не беспокоила колдуна – частенько он слышал за спиной проклятия. Пусть ругается, сколько душе угодно – собственная злоба его и задушит. Колдун свои силы на недоумка тратить не собирался. Но Глашку вспомнил и невольно вздохнул: дважды предавала она его, значит, и в третий раз предала бы – да не случилось. Глупая...

Девушка за прилавком, заворачивая в шуршащую бумагу покупки, кокетливо поглядывала на парня с черными волосами до плеч. Все примечала: одет модно и дорого, куртка наверняка из натуральной кожи. Неожиданно девушка коснулась его руки, будто желая проверить – настоящий он или нет, всплеснула руками и воскликнула.

– Ромка! Ромка Воробьев!

Он очнулся от мыслей своих, окинул взглядом. Узнал. Первая школьная красавица Оксана. В Пустосвятово болтали, что уехала она в Питер в поисках счастья. Выходило, что счастье ей не далось, и она воротилась обратно.

– Ромочка, каким красавцем ты стал! Ну, просто дьявол-искуситель, и только, – прошептала она. – Тебе наверняка это говорили! – как зачарованная, протянула она руку и погладила блестящие черные волосы колдуна. – Женщины обожают мужчин с подобной внешностью.

– Знаешь, почему? Они, бедненькие, воображают, что в груди такого мужчины бьется сердце ангела, – рассмеялся Роман. – И почему-то обижаются, когда этого самого ангельского сердца не находят.

– Ты страшный человек! – она кокетливо погрозила ему пальчиком.

Роман перегнулся через прилавок, привлек Оксану и поцеловал в губы. Та растерянно захлопала глазами, обомлела, и, когда колдун, наконец, отпустил ее, спросила томным голосом:

– Что это значит?

Она даже коснулась верхней пуговицы блузки, будто немедленно собиралась раздеться. Роман молча вытащил из кармана сотенную бумажку и положил на прилавок. Оксана растерянно смотрела на него, ничего не понимая.

– Когда-то ты сказала, что и за сто рублей не согласишься целоваться со мной, – напомнил Роман те обидные давние слова. – Сегодня я тебя поцеловал. Так что это твои законные сто рубликов.

У Оксаны задрожали губы.

– Все-таки ты дьявол, – прошептала она.

Колдун пожал плечами.

– Ну, а теперь на реку! – воскликнул Роман, выходя из магазина.

Юл все еще обижался, сунул брови, молчал. Но шел, куда вел его колдун.

Они свернули в крошечный проход между покосившимися деревянными сараями, где жители Пустосвятово держали дрова, старую утварь и кроликов. Грязи здесь было по шиколотку, и Юл, черпая кроссовками через край ледяную жижу, чертыхался. К реке они вышли неожиданно – спуск кончился, и крутой противоположный берег открылся перед ними, будто кто-то неведомый перевернул страничку, и возникло бледно-серое, залитое молоком тумана небо, огромные черные ели с понуро висящими ветвями, а за рекой – изрытый в летние дни пацанами желтый песчаный обрыв, сверху – сухой, светлый, а снизу пропитанный влагой и темный. Они стояли на низком берегу и смотрели на тот, высокий с удивлением, будто не верили, что может существовать такая разница между двумя берегами речушки, как несходство между братьями, всю жизнь проспавшими в кроватках друг подле друга. Вода в реке была абсолютно прозрачной, можно было разглядеть коряги на дне и корневища кувшинок.

– Зачем нам река? – спросил Юл.

– Видел, как я получал у воды ответы на вопросы?

– Да уж.

– Сейчас тарелки у меня нет, но река может ответить. Тебе. Иди к воде, – приказал Роман, и мальчишка ему повиновался.

Юл двинулся неуверенно, будто выверял каждый шаг, пока, наконец, не остановился подле самой кромки. Что делать дальше Роман хотел ему приказать, но не успел – Юл присел на корточки и набрал в пригоршню воды. Там, где он черпанул ладонями, в податливой плоти реки осталась ямка. Покачиваясь, она принялась медленно удаляться от берега, потом вновь прихлынула, вновь отпрянула. Как след от фурункула на чистой коже, маячила на поверхности. Колдун, не отрывая взгляда от странной оспины, спустился к берегу. Внимательно следил он за движениями мальчишки – то и дело в них проступало что-то смутно-знакомое, будто он, Роман, наблюдал за самим собой со стороны.

Юл продолжал рыть воду, как собака роет мокрый песок – уже образовалась изрядная яма. Она не затягивалась, и на дне ее дрожало живое черное пятно.

– Что это? – спросил Роман.

В ответ Юл скорчил недоуменную гримасу – он чувствовал: вода хочет ему что-то поведать, как тогда в парке, у пруда. Река была встревожена, но не мог распознать ее тревоги – лишь немолчный рокот отзывался в его душе. Юл протянул Роману комок застывшей воды. Не лед, не кристалл, а именно воду. Она колыхалась, пытаясь утратить чуждую ей форму, разлиться, растечься, но напрасно – заключенная в пузырь чужой воли лишь дрожала от напряжения. Роман слегка встряхнул пузырь, и проступило четкое изображение: маленькое лесное озеро, наполненное неестественно светлой голубой водой, окруженное вековыми елями, грибница новеньких домиков на берегу и церковь в отдалении. Изображение увеличивалось, становилось отчетливой. Церковь выглядела одновременно очень старой и в то же время новенькой, будто ее только вчера, белокаменную, любовно обихаживали мастера. И что еще странно –

церковь эта как будто плавала посреди лесного озера. Вековые ели отражались в неподвижной глади, на золотом куполе горел одинокий луч солнца, пробившийся сквозь заставу осенних облаков. Хотелось предположить, что там, посредине, был крошечный островок. Но Роману чудилось – под фундаментом нет тверди, церковь плавает на воде белой лодочкой. Никогда прежде Роман этого места не видел, и, судя по растерянному взгляду Юла, мальчишка тоже на этом озере не бывал. Но одно ясно было: увиденное связано со смертью Александра Степановского. С Гамаюновым. Догадка шевельнулась. Неужели?.. Нет... Это сказка, давняя сказка, прижимая палец к губам и оглядываясь боязливо, однажды рассказал ее дед Севастьян. В день, когда подарил Роману ожерелье.

Казалось, мальчишка не просто разъял водную плоть на части, но открыл дверь в неведомое, и стоит нырнуть в эту черную ямину-ход, как окажешься в незнакомом светлом мире, подернутом синеватой дымкой. Колдун наклонился и погрузил руку в черную оспину. Таинственный ход тут же закрылся. Перед ним уныло рябила поверхность вспухшей от осенних дождей реки.

Роман отпустил скованную воду на волю, и она пролилась на песок. Колдун временно должен был отступить. Но только временно – быть такого не может, чтобы тайна, известная воде, не открылась ему, Роману Вернону.

– Надо отыскать это место... где бы оно ни было. Это озеро и эта церковь... Там... что-то или кто-то... связанный со смертью твоего отца.

– И все? – спросил Юл. – Это ответ?

– Пока да.

– Ты все врешь. Как всегда! Я еще спрошу! Я найду убийцу. Отойди! Не мешай!

Роман отступил.

Юл вновь зачерпнул пригоршню воды, но на этот раз в водном пузыре ничего не появилось. Вода переливалась и рассерженно булькала, не желая отвечать.

– Вода уже ответила. Теперь ты должен истолковать ответ, – сказал колдун.

– Что значит – истолковать?

– Пошли.

– Куда?

– Домой. Надеюсь, Алексей нам кое-что разъяснит.

«Ни за что не отпущу мальчишку, – решил про себя Роман, шагая по тропинке меж старых сараев. – Он одарен как никто!»

Разумеется, колдун должен был почувствовать опасность, как только они подошли к этому сараю. Но не почувствовал. Может быть потому, что рядом с дверью стояла канистра с бензином, а бензин – ипостась огненная, а стихии, как известно, лучше не смешивать – это правило дед Севастьян считал первой колдовской заповедью. Но колдун не насторожился, только отметил, что пахнет отвратно.

И Юл тоже должен был насторожиться, но мальчишка свою обиду из-за волшебного ошейника лелеял, и по дороге на реку и обратно думал только о себе.

Оттого все так и получилось: едва Роман очутился возле открытой двери в сарай, как ему в лицо ткнули горящим факелом, пламя обожгло губы и через ноздри проникло внутрь, а водная нить на шее зашипела и принялась сжиматься удавкой. Роман попытался коснуться руки, держащей факел, но не успел, пальцы его свело судорогой, и он грохнулся на землю. Еще несколько секунд он ощущал щекой холод земли, потом и это исчезло.

Очнулся, когда его окатили водой. Ему возвращали жизнь, возможно, только на время: руки и ноги были крепко связаны. Боль! Она разрывала его на части. Жгла носоглотку и лицо, пылала огнем в груди. Глаза ничего не видели и непрерывно слезились. Роман не сразу дога-

дался, что лежит в сарае. Моргнул. Вгляделся. Все качалось и плыло. Светлой каплей стекало по черной стенке оконце. Пахло навозом, прелым сеном и бензином. Опять бензином. От этой вони колдуна мутило. Он был в одной рубашке и джинсах: дорогую кожаную куртку с него сняли. Рядом кто-то сопел и брыкался, пытаясь освободиться. Заехал Роману ногою в бок. Юл? Роман хотел позвать мальчишку, но сумел издать лишь невнятный сипящий звук. Тут же луч фонарика уперся ему в лицо.

– Ну, очухался, сука б...? – шепелявый голос Матвея спутать ни с каким другим Роман не мог.

Колдун молчал. Хотя водная нить ожерелья разбухла от воды и теперь не давила на горло, он все равно не мог говорить.

– Оборзел тиноед, – продолжал Матвей, усаживаясь рядом с пленником на корточки. От его заскорузлых штанов несло мочой. – Прежде один болотную хрень портачил, теперь приперся с целой кодлой. Зачем приперся, а? Ты ж нам тут тиной своей все засрешь, как Темногорск засрал на хрен. Влазишь в любую дыру и срешь, б... такая. Но я ушлый. Понял? Хана тебе, тиноед...

Каждое слово Матвея проникало в незащищенное сознание Романа и разбухало чудовищным огненным шаром, грозя раздавить череп изнутри. Выплюнуть эту мерзость наружу не было сил.

– Знаешь, что я с тобой сделаю, знаешь? Соображай, урод! – Матвей называл его точно так же, как и Варвара.

«Племяш» тряхнул канистрой.

– Эй, Ванюха, поливай!

Из темноты выступила щуплая фигура в ватнике. Выхватив из рук приятеля канистру, принялась окроплять бензином стены деревянной сараюшки. Юл, лежащий рядом с Романом, начал мычать и извиваться в бесполезной попытке освободиться.

– Не скули, сопливый, – Матвей обращался к мальчишке почти сочувственно, – сторишь на раз. Иначе водяков не замочить! – Матвей заржал, находя каламбур удачным. – Только спалить. Это я однозначно знаю. Меня хороший человек научил. Правильный человек...

Воспользовавшись тем, что внимание добровольного палача занято Юлом, Роман перевернулся и сделал отчаянную попытку дотянуться до Матвея. Но тот вовремя заметил уловку колдуна и отпрыгнул в сторону.

– Вот говно! Знаю твою хрень, падла! – просипел он. – Порву гада... – Матвей скрипнул зубами, ярясь при мысли, что не может погрузить сапог в живот заклятому врагу. Слышал он – убивает колдун одним прикосновением. – Ничего, сволота, счас зажаришься. Пошли, Ванюха! Запалим костерок водякам.

Друг Ванюха закончил обливание стен бензином и заковылял к двери. Оглянулся затравленно. Романа он боялся. Даже такого – связанного, беспомощного. А ну как вырвется! Матвей тоже попятился к двери, напоследок плюясь словесной мокротой. Роман его не слушал – делал отчаянные попытки размочить веревки идущей из земли влагой, и тем ослабить узлы. Ничего не выходило.

– Матвей, послушай, – просипел колдун едва слышно, пересиливая страшную боль в горле. – Пусть я сдохну, но мальчишка-то при чем? Он же ребенок. Отпусти его.

Странно, но Матвей расслышал и распознал его свистящий шепот.

– Что, сдрейфил? Ты мне еще бабки предложи. А?

– Сколько хочешь? – У Романа мелькнула надежда.

– Все. Хата твоя в Темногорске, и бабло – все дядь Васе, а значит, и Варваре отойдут, тиноед! – Матвей заржал. – Зло надо выжигать в корне, – добавил он уже что-то совершенно чужое, подслушанное, и вышел.

Дверь хлопнула. Как показалось Роману, запах бензина сделался сильнее. Сейчас где-то снаружи Матвей чиркнет спичкой, пламя мгновенно охватит сарай и задушит в своих объятиях могущественного колдуна и беспомощного мальчишку. Ах, если бы Юл умел направлять силу ожерелья. Он, не пострадавший от огня, легко бы размочил веревки и освободился! Колдун бормотал заклинания против стихии огненной – все, какие знал. Тут главное – не перепутать слова. И настрой нужный дать. Только какой, в болото, настрой! Если от боли выворачивает наизнанку, а губы обожжены, сочатся сукровицей и слипаются после каждого слова?!

Роман сделал еще одну попытку разорвать веревки. Но лишь узел затянулся крепче. Неужели все? Конец? О, Вода-царица и Река-спасительница! Помогите нам! Освободите от пут, затушите огонь! О, Вода-царица! Разве плохо я тебе служил? Разве не почитал я тебя? Так не покидай меня, не отдавай на прожор огню-расхитителю. Ты так же никому не подвластна, как и огонь, о, Вода-царица! Так сладь с ним, задуши, и более верного служителя не сыщешь до конца дней. Все, что угодно, сделаю. Освобожу тебя там, где ты заперта, расплещу тебя там, где ты замкнута! Буду силу твою копить и преумножать, о, Вода-царица!

Но вода не шла ему на помощь. То ли не услышала, то ли не захотела. Нет в мире силы, способной подчинить ее до конца. А может быть, река просто не узнала его голос, искаженный огнем? Однако же и огонь до сих пор не вспыхивал! Напротив, снаружи донесся приглушенный вскрик, а за ним глухой шлепок, очень похожий на удар по чему-то мягкому. Например, по лицу. Новый вопль и новый удар. Роман весь напрягся, прислушиваясь. Неужели?

– Юл, кричи, зови на помощь! – прошептал он едва слышно.

В ответ раздалось лишь беспомощное мычание – как видно, Матвей заткнул мальчишке рот. Роман, извиваясь ужом, пополз к собрату по несчастью. Уловил запах мочи. Бедный парнишка! Ничего, еще не все кончено. Несколько секунд и... Превозмогая боль в обожженных губах, Роман зубами перегрыз гнилую тряпицу, обвязанную вокруг головы мальчишки – недаром он вырастил себе такие замечательные зубы. Потом же опять же зубами вырвал изо рта Юла кляп.

– Кричи! – просипел Роман.

Но одновременно с пронзительным криком мальчишки снаружи полыхнуло нестерпимо ярко, многочисленные щели деревянного сарайчика высветились красным. Пламя тут же прогрызло себе дорожку внутрь и, переливаясь синими всполохами, заскользило по стенам. Огонь вздохнул полной грудью и взвыл по-звериному, готовый задушить приготовленные жертвы.

– К двери, – закашлялся Роман, и сделал последнюю попытку, перекаtywаясь, доползти до спасительного выхода.

Но жар обдал его своим нестерпимым дыханием, и колдун мгновенно обессилел. Еще сознание копошилось в черепе, обрывки мыслей в хаотичном сплетении порождали нелепые видения – мерещилось ему, что дверь отворяется, возникший на пороге темный силуэт, протягивает к беспомощным пленникам руки. Но это был всего лишь мираж, изобретенный услужливым мозгом. Во всяком случае, так подумал Роман, проваливаясь в темноту.

Все были правы, а он ошибся – теперь Алексей скрепя сердце вынужден был это признать. Надя была права. И Эд. Они предупреждали, что Колодин его найдет. И Колодин нашел. Не заставил себя долго ждать. Как его люди вышли на след? Как узнали? Алексей напрасно ломал над этим голову. Да и зачем? Теперь это не имеет значения. Есть ошибки, которые невозможно исправить – за них можно только заплатить.

«Юл заплатит вместе с тобой, – шепнул насмешливый голос. – Как только что это сделал отец».

Мысль об отце вызвала нестерпимую боль. Алексей в ярости ударил кулаком о стенку. Хлипкая дощечка раскололась надвое, в щель посыпалась труха. Алексей опомнился, попытался приладить дощечку на место.

«Раньше надо было кулаками махать, – попрекнул сам себя. – Сейчас уже поздно».

А доска никак не желала вставать на место.

– Все не так! – выкрикнул Алексей, обращаясь к кому-то невидимому, которому так нравится задавать неразрешимые задачки. – Я же не хотел...

Он осекся, поняв, что его вина или невиновность не имеет никакого значения. То есть когда-нибудь потом, если будет суд скорый и правый над бестелесной субстанцией, названной кем-то душою, его вина будет иметь огромное, быть может, даже решающее значение в чем-то таком, что не доступно разуму, умеющему распутывать сложнейшие задачи, решать интегральные уравнения, но который не может подсказать: стоит ли сейчас тайком, пока Романа и Юла нет дома, ускользнуть, скрыться, раствориться в осеннем тумане, чтобы никогда больше не попасться у них на дороге?

Он услышал голоса и шагнул к лестнице, решив, что вернулся Роман. Но ошибся.

– Эту одну канистру тут поставлю, – говорил шепелявый мужской голос, – остальное в сарай. Слышь, тетя Варя, за вторую канистру свои бабки платил.

– Потом сочтемся.

– Не забудь. Да уж. А правда, евонный дом в Темногорске пятиэтажный, и три машины? Сюды он на «шестерке» приперся.

– Дом хороший, – подтвердила Варвара, – деньги к нему рекой плывут, а нам лишь объедки перепадают. Небось, счет в банке имеет.

Что ответил шепелявый – Алексей не расслышал. Варвара же, ворча по-своему обыкновению («во наследили, сапог не снимают, всю грязь в дом тащат») удалилась в комнаты. Алексей выглянул в чердачное окошко и рассмотрел старую зимнюю шапку шепелявого и торчащие красные уши. Коренастый мужик в ватнике постоял у ворот, о чем-то раздумывая, потом двинулся по обочине размытой осенними дождями дороги.

Тут дверь на чердак с треском распахнулась, Варвара возникла на пороге, протянула Алексею пластиковый пакет и буркнула как всегда недовольным тоном:

– Сбегай-ка за булкой, а то Ромка-дуралей, как всегда, позабудет о самом главном. Зря ты с ним, прохвостом, связался. Он тебя в свои дела впутает, сгинешь ни за грош. А ты, я вижу, парень положительный.

Итак, случай все решил! Алексей едва не поклонился в пояс Варваре. Спасибо, милая, всё вышло само собой: он уйдет за хлебом (то есть якобы за хлебом) и не вернется. Алексей натянул старую куртку Романа, рубашка и брюки на нем были собственные. В карманах брюк нашлось немного мелочи. Так даже лучше – он просто растворится в осеннем тумане и будет идти и идти. Мысль о бесконечной дороге всегда приводила его в восторг и одновременно пугала.

Алексей долго кружил по улицам поселка, дважды выходя к магазинчику, как будто Варварин наказ заклитием тяготел над ним, не давая покинуть Пустосвятово. В третий раз, очутившись перед дверьми, из которых тянуло дразнящим запахом свежего хлеба, он, уступая Варварину повелению, купил три батона. В этот раз он легко вырвался из замкнутого круга и неожиданно свернул в маленький проход между деревянными сараями. И тут Алексей почувствовал, как водное ожерелье сдавило шею. С ним такое уже случалось, он знал, что означает это давление: с теми, кто носит такие же ожерелья, приключилась беда. И эти двое рядом. Потому что издали до Алексея никогда не доходили призывы.

Тот, кто сейчас мысленно зовет на помощь, находится рядом, в нескольких шагах! Может быть, в одном из этих сарайчиков, лепящихся друг к другу? Юл! Роман! Вот черт! Что же с ними стряслось?

Алексей огляделся. Возле деревянной клетушки сутились два мужика в ватниках: один навешивал на дверь амбарный замок, другой обливал стены прозрачной жидкостью из канистры. Алексей потянул ноздрями воздух, принюхиваясь. Нет сомнения – бензин. Не раздумывай.

вая, он бросился в атаку. Первого, с канистрой, сбил с налета. Парень опрокинулся в лужу, поверх его окатило бензином из канистры. Припечатав поверженного ударом ноги, Алексей бросился на второго. Тот был изворотливее и злее. Впрочем, вряд ли в ту минуту кто-то мог сравниться в ярости с нападавшим. Первым же ударом Алексей угодил поджигателю в челюсть. Любой другой рухнул бы на землю, но этот бугай лишь пошатнулся и ударил в ответ. Его кулак как кувалда, мог дробить кости, но Алексей ушел в сторону, прикрылся левой рукой, а правой грохнул здоровяку второй раз в челюсть. Он был так уверен, что мужик свалится, обездвиженной, что обернулся к сараю. И тут его будто лошадь лягнула в бок. Алексей отлетел в сторону, перекувырнувшись через голову. Матвей чиркнул спичкой и швырнул занявшийся огонек в бензиновую лужицу. Стены тут же вспыхнули, и огромный красно-синий цветок расцвел среди черного деревянного гнилья. Пламя рвалось к небу и возбужденно гудело, разрастаясь.

Превозмогая боль в боку, Алексей поднялся и вlepил сомкнутыми кулаками Матвею по заgrивку. Вот так подействовало! Бугай растянулся на земле. Амбарный замок поджигатель успел лишь вставить в металлическое ухо, но не защелкнул, и одной секунды хватило, чтобы сорвать замок и распахнуть дверь. Внутри бушевало пламя. Даже по земле, щедро политой из канистры, танцую, разбегались оранжевые змейки, взбираясь на сложенную в углу поленницу. И в огненной пляске угадывались два темных силуэта на земляном полу. Но были ли эти двое живы? Алексей мысленно поблагодарил странную особенность своей души – за то, что так и не сросся с водным ожерельем. Иначе не смог бы войти в этот охваченный огнем сарай. Заслоняясь рукой от нестерпимого жара, он отпрянул назад, стянул с шеи шарф и обмотал им рот и нос. Затем, хлебнув побольше воздуха, рванулся внутрь. До лежащих было три шага. Но весь фокус был в том, что он должен был вытащить обоих зараз: времени, чтобы вернуться за вторым, не было. Алексей взвалил Юла на плечо – слава Богу, мальчишка был костляв и легок – а Романа ухватил за ворот куртки и поволок за собою, как мешок. Но дверь исчезла. Алексей ткнулся в стену и отпрянул. Оглянулся. Увидел лишь танцующий повсюду огонь. Выхода не было. И воздуха тоже. Пламя гудело, набирая силу. Алексей рванулся влево. И опять перед ним возникла стена. Выход должен быть где-то здесь! Рядом! Он вновь шагнул влево. Этот шаг мог оказаться последним...

Дверь возникла неожиданно, когда он уже отчаялся ее найти. Они вывалились наружу. Зайдясь кашлем, Алексей повалился возле соседнего сарая, не в силах больше сделать ни шагу. Очнулся лишь, когда возле него, шипя, шлепнулась в лужу горящая головешка. Тогда, оставив Романа лежать на земле, он поволок одного Юла вниз, к реке. Мальчишка не подавал признаков жизни. Его ожерелье усохло и впилося в кожу. Алексей с разбегу бросился в ледяную воду и окунул вместе с собой Юла. Когда голова брата вынырнула на поверхность, водная нить вновь сверкала живым серебром. Мальчишка сделал судорожный вдох и открыл глаза. Алексей вытащил брата на берег и усадил на землю. Теперь можно было бежать за Романом. Алексей обернулся: наверху среди сараев бесилась пламя, раскидывая все шире и шире заgreбущие руки. Несколько мужиков и баб, истошно вопя, носились вокруг с ведрами, напрасно плеща воду в обезумевший огонь. Алексей побежал наверх. Ноги его подгибались, но он все равно бежал, пересиливая себя. После ледяного холода речной воды его бросило в жар. Ожерелье неожиданно ожило и сдавило горло.

«Надо было напиться», – мелькнула запоздалая мысль.

Но теперь некогда было возвращаться назад, к реке.

Роман лежал там, где его оставил Алексей: головой на какой-то коряге, ногами в грязной луже. Дыхание пламени жгло немилосердно. От влажной земли поднимался пар. Двое поджигателей успели исчезнуть с места преступления. Алексей подхватил колдуна под мышки и поволок к реке. Роман висел мешком у него на руках. Как и Юлу, водное ожерелье впилося ему в шею. К тому же все лицо колдуна было обожжено – белые волдыри обметали губы и ноздри, болячки вспухли на щеках и шее. Когда Алексей погрузил его в воду, Роман камнем пошел на

дно. Алексей вытащил колдуна, вновь окунул. Тот же эффект: ожерелье размокло, освободив шею, но Роман не подавал признаков жизни. Алексей влепил ему пощечину, потом другую. Никакого эффекта! Роман по-прежнему был бездвижен.

– Не так! – остановил его Юл, наблюдавший за безуспешными попытками брата с берега. – Соедини ваши ожерелья.

– Что? – не понял Алексей.

– Ожерелья! Пусть нити соединятся! Ну! Понял?

Алексей сделал так, как говорил мальчишка: прижал колдуна к себе так, чтобы их водные нити соприкоснулись, будто брат брата обнимал после долгой разлуки. А может колдун, в самом деле, его брат – неведомая родня? Водные нити соединились на миг, Алексей почудилось, что холодная змея обвилась вокруг шеи. И, соскальзывая, переползает, чтобы обвиться вокруг колдуна. Судорога пробежала по телу Романа, он глубоко втянул в себя воздух, внутри него что-то захрипело, из носа хлынула кровь. Но после первого вдоха дыхание вновь прекратилось.

– Еще раз! – крикнул Юл.

При новом соприкосновении водных нитей Роман захлебнулся воздухом и закашлялся. Алексей отпрянул: боль была такая, будто лезвием полоснули по шее. А колдун вырвался из рук своего спасителя и с головой ушел под воду. Алексей тут же окунулся следом, пытаясь схватить ускользнувшее тело. В прозрачной воде он отчетливо видел светлый отблеск консервной банки на дне, коряги, но Роман исчез. Алексей нырял вновь и вновь, но не мог его отыскать. После пятого или шестого раза, чертыхнувшись, выполз на берег – тело наверняка уже унесло течением. Лежал и смотрел, как вода на стремнине вскипает белой пеной. Потом на поверхность вынырнула голова Романа. Радостно засмеявшись, колдун поплыл к берегу, легко рассекая волну.

– Живой, – изумился Алексей.

– А что же ты думал? Я утонуть могу? Да? – расхохотался Роман. – Да еще в Пустосвятовке! В своей родной Пустосвятовке?!

Ожоги сошли с его лица, на матово-белой коже лишь кое-где сохранились красные пятна. А вот концы волос, опаленные огнем, осыпались, и теперь вместо длинных черных прядей на голове колдуна остались короткие черные клочья, торчащие во все стороны, отчего сделался он похож на лукавого чертушку с рожками на макушке.

– Ну что ж, Лешенька, мы с тобой, кажется, квиты, – Роман выбрался на берег, уселся рядом с братьями. – После такого мы должны стать друзьями, а? Неужели не станем? Мне, признаться, не часто помогали, любую услугу я помню годами. Обиду, правда, еще дольше.

Стеновский передернул плечами. Его жест мог означать что угодно: сомнительно, может быть, вряд ли. Роман засмеялся, стянул мокрую одежду, выжал ее и вновь, влажную, натянул. Казалось, от этого он не испытывал ни малейшего неудобства.

– Знатно горит, – сказал Юл. – А почему пары бензина в сарае не рванули? Странно. Да?

Роман обернулся. На месте старых сараев колыхалась сплошная стена огня. Еще несколько минут – и огонь перекинется на деревню. Пойдет ветер гнать пожар от одного дома к другому. Своих пожарных в Пустосвятово нет – из Темногорска машины поедут. То есть явятся на пепелище.

Колдун вернулся к реке, вошел в воду по колено и поднял руки. Тучи в небе над его головой почернели, взбухли, и из них стеной хлынул дождь. Такие ливни бывают лишь летом – осенью вода сочится помалу и подолгу. Тут же сплошной поток обрушился на бушующее пламя. Огонь, извиваясь, пытался ускользнуть и спастись, заползти под уцелевшие крыши сарайчиков и там затаиться, но ливень хлестал его водными плетями, как взбесившегося пса, и гнал, гнал, истребляя. Одна туча спешила на смену другой, хлестали струи, клубы черного дыма тянулись к небу, а по земле, пенясь, бежали мутные ручьи и стекали в реку.

– Отличный душ, – усмехнулся Юл и клацнул зубами. – Только холодный.
– Вода теплая, – отозвался Роман.

И действительно, вода показалась мальчишке теплой, будто в ванной. Горячей даже.

– Повезло, что Лешка нас вытащил... Или это не везение? – спросил подозрительно Юл.

– Ожерелье твое он услышал, – сказал колдун. – Оно умеет звать на помощь. Иногда крик да-алеко слышно. – Он помолчал. – Все зависит от боли. – Колдун выбрался из реки и пошел по осклизшей от дождя тропинке. – Пошли. У Матвея мой бумажник. И куртку он с меня снял, паскуда. И пакет с едой забрал. Там колбасы твердокопченной десять штук.

Алексей двинулся за колдуном. Но что-то заставило его оглянуться. Юл стоял на берегу, а за его спиной, вырастая из пелены дождя, колебалась призрачная картина: лесное озеро, окруженное вековыми елями, крошечная церквушка поднималась прямо из воды, на берегу теснились островерхие, покрытые металлической черепицей, новенькие домики. Видение, сотканное из дождевых струй. Алексей видел эту церковь и это озеро. Когда-то. Но Юл этого видеть не мог.

– Иди сюда! – крикнул Алексей брату.

Мальчишка двинулся вверх, возникшая среди дождевых струй картина поплыла следом.

– Что это такое? – спросил Алексей.

Юл обернулся, посмотрел на мираж и пожал плечами. От его движения церквушка заколебалась, будто собиралась упасть, а по воде призрачного озера побежала рябь.

«Фокусы колдуна», – подумал Алексей, сознавая, что объяснение слишком легковесно. Ибо не ясно было, как Роман мог создать из дождя именно *это*? Да и не было его рядом.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, видение, блеснув прощальным золотом купола, растаяло. Братья обогнули все еще дымящие обугленные сараи. И нос с носом столкнулись с Романом. Тот нес в одной руке куртке, в другой – сумку. И улыбался. Улыбка эта показалась Алексею отвратительной.

– Потолковал с Матвеем. У Ванятки, подлец, схоронился. Вещи я у него забрал. Но кое-чем наградил взамен. На память.

– Триппером? – спросил Юл, решив блеснуть шуточкой, прочитанной недавно в каком-то современном детективе.

– Вечной жаждой. Станет пить воду и не сможет напиться. Будет вливать в себя драгоценную влагу ведрами. Распухнет как бочка. Все будет орать: пить, пить!

– Тебя когда-нибудь убьют, – предрек Алексей.

– Очень может быть. Но, пожалуйста, у тебя больше шансов уйти первым.

Алексей попытался подавить раздражение. – Матвей – племянник Варвары, так ведь? Он заходил к ней... видимо, перед тем, как устроить этот пожар.

– Почему-то я не удивлен, – признался Роман. – Уж больно ласково она разговаривала поутру. Так... Идем-ка домой и побеседуем по душам с Варварой Алексеевной.

Но поговорить с мачехой им не довелось. Не доходя трех дворов до папашиного строения Роман заметил, что напротив дома стоит некто. И еще колдун почувствовал: у парня при себе железка, столь любимая нынешними крутыми ребятами, потому что дарует иллюзию силы и власти. Роман схватил Юла, зажал ему рот и оттащил за ближайший сарай.

– Нас ждут, – шепнул колдун своим спутникам.

– Кто?

– Не знаю. Но у гостя пистолет.

– Это они, – прошептал Алексей.

– О ком ты? Я их знаю?

– Нет. Но познакомишься. Люди Колодина. В дом нельзя возвращаться, – решил Алексей. – Ни в коем случае.

– Моя машина во дворе. На чем мы отсюда удерем? Я, признаться, плохо бегаю. Или тебя за углом «Форд» дожидается?

– Откуда ты знаешь, что у меня «Форд»? Впрочем, неважно. Сколько гостей? – спросил Алексей.

– С оружием один. Вон там, за сараем торчит.

Алексей хотел уже двинуться в указанном направлении, но Роман остановил его.

– Уверен, что сладишь с ним и не получишь пулю в живот?

Алексей отрицательно мотнул головой.

– Тогда отвлеки его на секунду, а остальное предоставь мне.

Не дожидаясь дальнейших расспросов, колдун неожиданно и совершенно бесшумно погрузился в придорожную канаву с головой. Юл обалдело смотрел, как расходятся по поверхности круги. Во-первых, канава была вовсе не глубокой, и скрыть полностью колдуна никак не могла. Но самым удивительным было то, что сквозь воду Романа не было видно. Дно, поросшее желтеющей осокой, проглядывало. А колдун начисто исчез. Тем временем Алексей двумя ударами ноги повалил секцию покосившегося забора. Расчет отказался прост, но верен. Человек, укрывшийся за толстенным тополем на другой стороне улицы, на секунду высунулся из своего укрытия. И тут же из канавы рядом с ним выскочил Роман и плеснул водой незадачливому наблюдателю в глаза. Тот взвыл не своим голосом, и закружился на месте, закрывая ладонями лицо. Колдун ухватил его за шиворот, и верченье прекратилось. Человек мгновенно обессилел и опустился на землю.

– Ты здесь один? – поинтересовался Роман, выливая пригоршню воды пленнику на темя.

– Возле дома один, – отозвался тот бесцветным голосом. – Димон побежал на пожар смотреть.

– Выслеживаешь кого?

– Ага. Колдуна Вернона.

– Нет его здесь. – Роман зачерпнул новую пригоршню воды из канавы и вновь облил голову незадачливого соглядатая.

– Ага, нет, – охотно согласился тот и шмыгнул носом.

– Через час прозреешь и отправишься назад, – повелел колдун. – Скажешь: видел в Пустосвятово пожар, а колдуна не видел. Не приезжал Роман Вернон сюда.

– Ага, не приезжал. – Из носа уже текло всюю, и парень непрерывно шмыгал.

– И беглеца, которого ловите, ты не видел.

– Не видел, – поддакнул тот.

– Где твоя тачка?

– За углом.

– Давай-ка я тебя, друг мой, туда провожу, чтобы ты часом в канаву не упал и не утонул, – предложил колдун и, ласково приобняв соглядатая за плечи, повел в указанном направлении.

Через несколько минут он вернулся, весьма довольный собой.

– Ты с каждым такое проделать можешь? – спросил Алексей, хмурясь.

– За исключением сильных колдунов – с каждым. Я редко занимаюсь такими штуками – слишком много энергии забирает.

– А меня мог скрутить?

Роман кивнул.

– Отчего не скрутил?

– Ты бы этого никогда не простил. Так ведь? Ладно, пошли, сваливать надо и поскорее.

Стеновский нагнал его, сказал резко:

– Надо было забрать у мерзавца пистолет.

– Зачем? Мы его не видели, он нас не видел. Если явится обратно без пушки, возникнут лишние вопросы. И потом, огнестрельное оружие... – Роман передернулся, будто увидел

змею. – Чужая стихия. Меня волнует тот парень, что ушел глазеть на пожар. Хотя... Что он там мог увидеть? Стену огня. Потом стену воды.

– Как они узнали, где мы?

– По мумиям. Эти молчаливые свидетели нас выдали. Каждый житель Темногорска от пяти до семидесяти скажет вам, что такое под силу лишь Роману Вернону, – не без бахвальства отозвался колдун. – Этот твой Колодин – крутой мужик?

– С ним лучше не связываться.

– Значит, Синклит меня не защитит.

И, будто подтверждая его слова, протяжно и тоскливо завыл пес Бобка.

«Как о покойнике воет», – подумал колдун и вошел в дом.

Дверь была не заперта. В комнатах тишина. Какая-то мертвая, неживая. Будто в доме уже и не живет никто.

«Страху много», – подумал Роман, обходя комнаты.

Ни отца, ни Варвары не было. Где они – колдун не знал. Может, отправились сарайчик свой на берегу спасать от учиненного пожара. Роман надеялся, что отец не знал о плане уничтожения собственного сына.

Колдун наскоро собрал старую свою одежку из той, что хранилась на чердаке, и спустился во двор.

– Я с вами не поеду, – заявил Юл. – Носите свои ожерелья, колдуйте на здоровье – мне плевать. Сам убийцу отца буду искать. А на вас всех мне плевать.

– Разумеется, плевать, – поддакнул Роман. – Особенно если учесть, что Алексей – твой сводный брат.

– Какой еще к черту брат! – выкрикнул Юл, и осекся.

Потому что вспомнил, что отец, в самом деле, говорил ему пару раз о своем старшем сыне. Но рассказ этот был так невнятен, полон странных намеков и недомолвок, что Юл почти не вспоминал об этом родстве. И вдруг старший брат явился. Только теперь Юл заметил, как Алексей похож на отца. Вернее, на фотографию отца в молодости, которая хранилась у матери в альбоме.

– Значит ты... – пробормотал Юл.

– Ехал на похороны, – признался Алексей.

– Нам лучше убраться отсюда, – напомнил Роман, – а уж потом будем разбираться, что было сначала, а что потом.

Он будто невзначай положил ладонь на плечо Юлу. И ничего не почувствовал. Абсолютно ничего. Прежнее ощущение белизны исчезло. Перед ним был обычный мальчишка, озлобленный и равнодушный ко всему, кроме своих собственных болячек. Ну, может быть, не совсем обычный. Может быть, даже наоборот. Способность ощущать высшие энергии в нем присутствовала по-прежнему. Но светоносности прежней не стало. Напрочь. Роман так оторопел, что стоял не двигаясь и смотрел на Юла.

«Что же ты, малец, – обратился он мысленно к мальчишке. – Куда же всё подевалось, а?»

Услышал Юл вопрос или нет – неизвестно. Только он раздраженно оттолкнул Романову руку.

Колдун с трудом подавил в себе желание вновь до него коснуться. Была еще слабая надежда, что после пережитого страх подмял под себя нетвердую ребячью душу и все затмил, и светлая аура не исчезла, а просто затемнена. Может быть и так. Будем надеяться, что так!

– Быстрее! – подгонял братьев Роман.

Происходившее его обескуражило. С одной стороны – за Алексеем Стеновским следили, но с другой, Матвейку вовсе не они подговорили напасть на колдуна. А что Матвей не сам устроил огненное жертвоприношение, Роман был готов прозакладывать не одну сотню баксов.

– Торопитесь? – прозвучал неизвестно кем заданный вопрос.

Колдун обернулся.

У ворот стоял следователь Сторуков. Улыбался. Милая такая улыбочка. Ничего хорошего не сулящая.

– Рад, что вы живы-здоровы, Роман Васильевич, – еще шире улыбнулся Сторуков. – А что у вас с волосами?

– На берегу горящие сараи гасил, вот волосы и обгорели. – В свою очередь улыбнулся как можно дружелюбнее Роман, пытаясь угадать, чего хочет от него следователь.

Предъявить обвинение в убийстве? Мол, вону изгнал, обезводил организмы? Так ведь не обвинить в подобном.

– Вы мне очень помогли, уважаемый Роман Васильевич. – Сторуков значительно замолчал. – Мы ведь убийцу нашли.

– Да неужто? – почти искренне изумился Роман.

– Труп на Ведьминской лежал. Там, где дом недостроенный и забор наполовину. Все приметы, как вы говорили. И пистолет, из которого Стеновский был застрелен, при нем, рядом. Так что спасибо за помощь.

Роман изумился. Но постарался удивление свое скрыть. Труп на участке с недостроенным домом? Как он туда попал? Сам пришел? Заказчик подкинул, чтобы всякий след отрубить? Роман терялся в догадках.

– Да какая тут помощь... ну что вы... так...

– А я вам тоже помочь решил, – Сторуков глянул через плечо колдуна. – Ведь этот мальчик, что с вами теперь – это сын убитого Стеновского Юл? Так ведь?

– Он сам ко мне обратился, пришел на прием.

– Ну да, да. Только его мать заявление написала. Мол, пропал. А он тут разгуливает. В очень странной компании. Пусть хоть домой позвонит, чтобы мамаша не волновалась и заявление свое забрала. Лады?

– Ну конечно! – с охотой пообещал Роман.

– Надо полагать, вас очень интересует, почему отца этого мальчика убили? Так ведь? – Сторуков не собирался так просто оставлять Романа в покое.

– Ну... – протянул колдун неопределенно. – Меня все на свете интересует. Особенно то, что в Темногорске творится. Я не из равнодушных.

– Знаете, у меня тут кое-какие проблемы, опять же расходы на бензин, ремонт машины. Вы бы могли помочь.

Роман достал бумажник (у Матвея вовремя успел отбить, впрочем и в машине кое-какая сумма припрятана, на всякий случай). Вынул несколько купюр. Сторуков сгреб их небрежно. Как должное взял.

– Так вот, тут интересный фактик выяснился. В восемьдесят четвертом году ныне покойный Александр Стеновский присутствовал на первом тайном заседании колдовского Синклита, хотя сам никогда ни к белой, ни к черной магии не имел отношения.

– Не знал, что вы интересуетесь историей Синклита, – заметил Роман.

– В Темногорске без этого нельзя, – скромно потупился Сторуков. – Но вы-то сами, Роман Васильевич, как я погляжу, плохо историю своих соратников знаете.

– Я еще мал был в тот год, – сухо отвечал Роман. – На Синклит дед мой ездил.

– Тогда много народу приехало, – кивнул Сторуков. – И среди них некто Иван Кириллович Гамаюнов. Слышали о таком?

«Ого! – мысленно воскликнул Роман. – Парень-то этот только изображает недотепу».

– Слышал, – кратко отвечал колдун.

– Этот господин Гамаюнов в одном благотворительном фонде после работал. Что за фонд – не знаю. Но говорят... – Сторуков огляделся. – Денежки там были немаленькие. Из-за гра-

ницы пожертвования шли. В девяносто четвертом фонд закрылся, а господин Гамаюнов исчез, как в воду канул. – Сторуков подмигнул Роману. – Вы, надо полагать, уезжаете.

– Да, к отцу заглянул. Теперь ехать надо. По делам.

– Поторопитесь. В двух кварталах отсюда я видел шикарную тачку. Мне почему-то кажется, что в ней прибыли ваши недрузья. Желаю удачи. – Сторуков демонстративно повернулся к Роману спиной.

«Кто же труп на пустырь привез? – размышлял Роман над задачкой, подкинутой следователем. – Сами заказчики вряд ли могли выкинуть своего киллера за ненадобностью. Тело подложили, чтобы на меня указать: водный колдун человека иссушил, ату его, ату... Доносик такой аккуратненький. Весь вопрос – кому. И кто ж донос удружил? Ну, таких в Темногорске немало. Выбор велик. Имен семь могу перечислить... да стоит ли?»

Пока колесили по улочкам Пустосвятово, никто им не препятствовал. Но стоило только выехать на дорогу из поселка, как Роман ощутил сильнейшее давление. Хорошо, что после недавнего дождя все бесчисленные колдобины в асфальте полны были водой. Миг – и вода эта поднялась в воздух, еще миг – и, собравшись в водную стрелу, она устремилась вперед, волоча за собою в хвосте беспомощную машинку. И когда впереди взметнулось поперек дороги оранжевое пламя, водяная стрела пробила ее без труда, и машина колдуна устремилась в спасительную брешь.

Когда Роман оглянулся, пламени уже не было – лишь у обочин плясали вялые желтые огоньки, умирая. Но ясно было, что кто-то пытался остановить Романа Вернона. Пытался, да не сумел.

Юл сидел на заднем сиденье, насупленный и злой. Он был зол на брата, который явился неизвестно откуда и которого Юл ни за что не желал признавать за родню. Еще больше он злился на Романа. Или – на самого себя?

Он струсил. Как давеча с отцом, так и теперь в сарае. Когда такое с тобой случается один раз, это еще ни о чем не говорит. Но дважды за два дня спасовать так недостойно – это уже не ошибка, а порок. Он перепугался до смерти, обмочился со страху. Теперь все ясно: он трус. Он обнаружил у себя тайную болезнь. Хуже рака. Но от трусости не умирают, и с этой болезнью придется жить дальше. Он – трус. Юл исподтишка глянул на своих спутников. Неужели они знают об этом? Если знают, тогда всему конец. Разве можно вынести, когда брат (ведь это его брат, как ни верти) считает тебя трусом. Разумеется, колдун ему никто. Плевать на колдуна. Но все равно, если Роман узнает, тогда смерть. Не в прямом смысле, конечно, а равносильно смерти. Юл не сможет смотреть никому в глаза. Если там, наверху, есть некто, тот, всемогущий, поймет и простит. Он не карает за трусость. Перед ним не стыдно, потому что он сильный.

«А, может, они не догадались?» – утешил себя Юл. Тогда можно еще что-то исправить. Можно как-то пересилить себя и выжечь проклятый порок из сердца каленым железом. Потому что жить дальше и постоянно ощущать себя трусом невозможно. И Мишка, если узнает, будет его презирать. Вот Мишка – не трус, Мишка его собственным телом прикрыл, под пули полез. А Юл трус, трус, трус. Он чувствовал, что на глаза его наворачиваются слезы, но тут же высыхают, обжигая солью веки. Трусы не умеют жалеть других. Они плачут только от жалости к себе. Юл не сдержался и всхлипнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.